

Айрин Серпента

ДОМ там
где твое сердце

16+

Айрин Серпента
Дом там, где твое сердце

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Серпента А.

Дом там, где твое сердце / А. Серпента — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Обиженная юношей в детстве, Лиз мечтала - вот он вернётся, и тогда она отомстит. Отомстит и забудет. Он не просто вернулся, он захотел её для себя навсегда...

Содержание

Часть 1. Северянка	6
Глава 1	6
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	36
Глава 12	47
Часть 2. Чары Востока	49
Глава 13	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

О.М. – лучу солнца в пасмурный день.
Арабский, кажется, мы осилили.
Дело за суахили?

Часть 1. Северянка

Глава 1

Нет-нет, дом был совершенно не при чём! Дом очень ей нравился. Пейзаж ранил эстетическое чувство молодой ещё хозяйки поместья. Не весь пейзаж. С центрального балкона открывался прелестный вид на фонтан, подстриженные газоны, дорожки, выложенные красивой дугой. А к окнам с восточной стороны Лаймен Стронберг подходить не любила. Если задержаться у них, под тяжёлыми занавесями, можно увидеть невзначай копошащиеся вдали противными блохами фигурки холопов, крестьян. Лаймен претила сама мысль разглядывать этих людей – людей ли? Не то чтобы приближаться к ним или разговаривать с ними. Что они, как не тени для удовлетворения потребностей своих господ?

Такого предательства от мужа она не ждала.

– Эмиль, вы больно ушиблись головой, если не понимаете, что есть пределы, ниже которых опускаться нельзя. Породниться с крестьянами?

Муж страдал от утреннего похмелья, то и дело прикладывал к голове тряпицу, в которую был завёрнут лёд. Ему явно не хотелось разговаривать с женой.

– Деньги не пахнут, драгоценнейшая, – едва шевеля губами, цедил он. – И почему сразу отбросы? Линтрем – свободный крестьянин, держит лавку, платит налоги. Да, обрабатывает клочок земли, но теперь-то он дочку на пушечный выстрел к бороне не подпустит. Думает, что она станет баронессой.

Эмиль хмыкнул, Лаймен дёрнулась.

– А как же ей ею не стать? Когда родной отец прикупил титул и знатного мужа преподнёс на блюдечке?

– Ой, не шумите, госпожа баронесса! – Эмиль скривился. – Вы же знаете не хуже меня – фамильное состояние Стронбергов растрачено...

– А всё собачьи бега и кости! – гневно вставила женщина.

– И чем же ещё развлечься благородному мужчине в наши дни? Так вот, госпожа моя, денег нет. А у меня два сына. Я обязан был предпринять меры, чтобы не оставить их ни с чем. Договоры о браке не хуже других.

– Вы продали обоих сыновей, Эмиль!

– Я получил деньги, баронесса. И уж поверьте, что кроны Верга Линтрема ничуть не хуже крон Валафреда Рума, такие же полновесные. Можно вкладываться в ремонт этого могильника, – Стронберг с ленивой сентиментальностью хлопнул дом по стене.

– Ах! – Лаймен схватилась за горло. – Ваши привычки, муж мой, не доведут семью до добра! Адела Рума – куда ни шло, всё-таки купчиха. Но крестьянская кровь в жилах Стронбергов!

Эмиль посмотрел на супругу тяжёлым взглядом.

– Заканчивайте истерики, госпожа. Мариса своим договором я не обидел. Приданое получил заранее, и хорошее. Подобрал ему жену-красавицу...

– Говорят, что из всех дочерей Верга Линтрема она – наипервейшее чудовище.

– ...умницу...

– Пока что ничем особенным девчонка не блеснула.

– Но ведь ей только семь лет. Зато, как подрастёт, она будет точно знать, что стоит дешевле песка под ногами у Мариса, и будет во всём ему подчиняться. Она нарожает ему детей и станет тихо и скромно сидеть дома, поджидая его.

– То-то все девицы Линтрем славятся своей скромностью! Ваш старший сын постоянно милуется на сеновале с их девчонкой, которой ещё и пятнадцать-то не исполнилось. И вторая такая же будет, Раймонд спит и видит, как бы залезть ей под юбку!

– Подбирайте выражения, госпожа! Наилучшим выходом было бы забрать девочку к нам в дом на ваше воспитание...

– Я к ней и пальцем не прикоснусь!

– Или отдать её вообще в город в приличную семью. Но кто за ней там присмотрит? А здесь вашего влияния на Раймонда не хватит, чтобы удержать его от распутства. Нам же нужна невеста девственной.

– А если нет? – внезапно заинтересовалась Лаймен. Муж одобрительно ей улыбнулся.

– О, в этом случае с нас снимаются все обязательства.

– Отец? – постучав в открытую дверь, светловолосый подросток напряжённо шагнул в гостиную. – Вы велели мне зайти...

Лаймен Стронберг подошла к сыну, сжала тонкими пальцами его плечо, и Марис взглянул на неё с обожанием: молодая, изысканная и прекрасная, как снежная королева, она казалась четырнадцатилетнему мальчику воплощением божества.

– Дорогой, ты подслушивал?

– Что вы, мама! – почтительно запротестовал сын. – Я не посмел бы.

– Хорошо. Потому что это было бы недостойно тебя, рождённого править. Ты знаешь, что всегда для тебя будет только два непререкаемых авторитета...

– Господь Бог, мама, и мой отец.

– Да, верно. Их слово – для тебя закон. Мы с отцом призвали тебя, чтобы сообщить новость, которая, возможно, изменит твою жизнь.

– Я слышал, мама, простите меня.

– Слышал, Марис?

– Да. Ведь у Раймонда нет другого брата. Отец желает, чтобы я женился на дочери раба.

– Сейчас в Швеции нет рабов, Марис, – сердитым голосом возразил Эмиль. – Мы цивилизованная страна. В лене есть люди, которые работают на меня...

– Они принадлежат вам, отец, опутанные долговыми обязательствами с ног до головы, – бесстрастно возразил мальчик. – Но, похоже, сейчас вы сами угодили в собственные сети.

– Изволь помолчать, Марис, – холодно прервала его Лаймен. Она могла ругать мужа, сколько ей вздумается, наедине, но не допустила бы попиранья его авторитета сыном. – Принимая решение об обручении тебя с Элизой Линтрем, отец ни в коей мере не задумывал твоего позора. Девочке сейчас только семь лет, и в ваших отношениях ещё лет десять ничего не изменится. За это время может произойти очень многое: она может умереть от болезни, погибнуть при несчастном случае, наконец, потерять честь, что приведёт к автоматическому расторжению вашей помолвки. Вергилиус Линтрем гарантировал чистоту и невинность своей дочери в брачную ночь. Ничто не помешает тебе заявить о несоблюдении этого условия, если простыни вовремя поменять.

– Лаймен! – Эмиль с изумлением смотрел на жену.

– Так что помолвка, мой мальчик, это ещё не свадьба. Думаешь, Раймонд так уж хотел обручиться с Аделой Рума? Зато на деньги, полученные как задаток от Вергилиуса и Валафреда, мы восстановим наш дом, – рука Лаймен с гордостью гладила каминную полку с высеченными словами девиза «Побеждаю во всём». – И величие рода Стронбергов опять станет прежним, и даже выше того.

– Хорошо, мама, – подросток выпрямился и стал словно бы выше ростом, окрылённый её словами. – Я женюсь на Лиз Линтрем, – и добавил, как заклинание. – Если она доживёт до такого счастья.

Глава 2

– Я не понимаю, что случилось с тобой, лендлорд, – подбоченясь, она стояла посередине дороги, не давая ему проехать, и выглядела гораздо старше своих лет. – Раньше ты говорил со мной и привозил сладости, а теперь только награждаешь оплеухами да щипками. Вчера ты загнал меня в лесу в болото и бросил пропадать, позавчера натравил собак. Ты хочешь, чтобы я погибла? Это всё из-за того, что мой отец, желая обеспечить мне будущее, договорился с твоими родителями о чёртовой помолвке? Ты надеешься получить все деньги без меня?

Станным для семилетней девчонки образом она попадала своими упрёками прямо в цель. Марис Стронберг на миг смутился: неужели он слишком жесток с нею? Но ему-то совсем не требуется такой довесок к приданому – костлявая, голенастая, с чёрным, как у мавра, лицом, на котором виднелись лишь кривоватые зубы да злые глаза и с жидкими волосёнками, стянутыми сзади в хвостик. Он не замечал всего этого, пока она была лишь очередным крестьянским ребёнком на его землях, слишком уродливой, чтобы другие девчонки хотели играть с ней, и оттого одинокой. Марис жалел её – немного покровительственно и с презрением господина. Но пристрастный взор открывал для себя совсем другое. И вот с этим-то недоношенным монстром он проведёт остаток своих дней до могилы?! Хорошенькая, как игрушка, лошадка протестующе заржала в ответ на туго натянутые поводья и поднялась на дыбы, едва не растоптав своими копытами эту отважную наглую кроху. Тёмное от загара личико Лизы Линтрем даже не дрогнуло.

– Ты совершенно права, маленькое чудовище! – в младшем отпрыске Стронбергов словно сорвалось с цепи что-то опасное. Склонившись с седла, он поднял за шиворот девочку и прокричал ей в лицо. – Ты мне не нужна! Если тебе удастся околеть за время, данное нам до свадьбы, буду очень признателен!

С глухим звуком Элиза упала на дорогу, прибавив парочку синяков и царапин к уже имеющимся. Светлые волосы выскользнули из-под ленты и грязными прядями обрамили покрасневшее личико. Глаза заблестели от сдерживаемых слёз.

– Чтобы ты подох, Марис Стронберг! – прошипела она сквозь стиснутые зубы, вскочила на ноги и, легко уклонившись от плети, обрушившейся в пыль – туда, где секунду назад была её голова, проворно забралась на дерево. – Ты злой, злой, мерзкий! – прокричала она из-за листвы срывающимся голосом.

– А ну-ка слезай, дорогая невеста, – голос хозяина был обманчиво мягок. Марис спешил и ходил вокруг узловатых корней, помахивая плетью.

– Ты такая свинья! – плакала маленькая Лиза. – Я тебе верила... я сама хотела всегда умереть, потому что я уродка, но только ради тебя теперь буду жить. Я дождусь, когда смогу кинуть тебе в лицо твою паршивую помолвку!..

Улучив момент, плеть безошибочно рассекла воздух. Девочка завизжала, красный рубец вздулся на её ногах.

– Я тебя ненавижу, гад ползучий! Я вырасту, вот увидишь, стану красивой, такой красивой, что сам умолять будешь, чтоб за тебя вышла! а я тебе шиш покажу... я тебя до смерти ненавижу буду...

Глава 3

Одиннадцать лет спустя

Вся деревня встречала его, словно он отсутствовал не пару недель, а дольше Мариса Стронберга, сбежавшего из родительского дома сопливым подростком. Все дёргали его в разные стороны и говорили одновременно: старики хотели узнать новости из столицы, дети требовали подарков и лакомств, Сюзана тыкалась под руку, требуя, чтобы брат приласкал её. Но все звуки словно исчезли, он перестал замечать приветственные толчки и удары, когда солнце её улыбки согрело его мыслью, что скоро они поженятся с этой прекрасной, удивительной и потрясающей девушкой, что она принадлежит только ему одному и одному ему так улыбается, обещая в будущем бесконечное блаженство и скорый топот детских ножек в их доме. Пепельные волосы взметнулись и осыпали её грудь, когда она оторвалась от дерева, ствол которого обнимала в ожидании момента, когда сможет обнять вместо бесчувственной древесины тёплое тело своего мужа. Или почти мужа. От полного счастья их отделяло только две мелочи: святые слова положенного обряда и праздник после того, как закончится строительство их дома; в тот вечер она станет его женой, хозяйкой его чувств, его дома, его постели. Но раньше довести до естественного конца их отношения Мелисса Линтрем позволить не могла. Да и будущий муж Элизы воспитан был правильно – сначала клятвы, потом брачная ночь с молодой женой, с Лиз.

– Ах, Андрес, душа моя! – Элиза шептала ему в потную шею, обжигая жаром преисподней. – Я ждала... я скучала... как долго ты не приезжал!

Ресья чувствовал себя польщённым. Покорить сердце такой девушки – не поле картофеля проборонить. Откровенная, страстная, но скромная. Много девчонок в деревне вздыхали по первому красавцу, многое и обещали ему, только кто знает, чьи дети в итоге окажутся на его лавке? А про Лизу Линтрем самые гнусные сплетники не могли сказать ничего. Хорошая девушка, будет отличной матерью и хозяйкой.

Лиза плакала, что-то бормоча. Андрес Ресья плотнее прижал невесту к себе, прислушался.

– Зачем же мы ждали со свадьбой до сбора урожая? Надо было жениться раньше...

Парень хмыкнул.

– Ну что ты, любимая? Это мне полагается гореть в нетерпении, не тебе.

– При чём здесь нетерпение?! – обожаемая блондинка топнула ногой. – Ты разве не понимаешь, какие неприятности он привёз нам?

Повеяло холодком.

– Кто «он»?

– Да разве никто не сказал ещё, Андрес? Марис Стронберг вернулся...

Марис Стронберг вернулся после одиннадцатилетнего отсутствия в свой дом. Он вошёл с чёрного хода в гостиную, где скучала в ожидании вечерней прохлады вся семья – Эмиль лениво потягивал эль, Лаймен читала, а с застеклённой террасы доносились сердитые голоса как всегда ссорящихся Раймонда и Аделаиды.

– Уве, я уже отпустила вас... – начала, не поднимая головы, Лаймен.

Светловолосый мужчина в дверях ухмыльнулся:

– Дом, милый дом, тихая гавань, приют спокойствия и мира...

Лаймен застыла на миг, а глаза Эмиля Стронберга широко раскрылись:

– Сын?

– Марис! – отчаянно закричала, срываясь с места, Лаймен. Она упала у ног вновьприбывшего и обняла их руками. – Марис, сынок, мы думали, что потеряли тебя... но ты стал мужчиной, ты вернулся... – она осмелилась приподнять голову и осторожно взглянула на чело-

века, в которого превратился её маленький мальчик, её сын. Он изменился больше, чем она ожидала; муж подошёл сзади, помог ей встать. На крик Лаймен в гостиную ворвался Раймонд, с удивлением разглядывая незнакомца, недоверчиво произнёс:

– Маак?

Насквозь прокалённый далёким солнцем смуглолицый мужчина откинул назад длинные светлые волосы, улыбнулся, задержав на миг внимательный карий взгляд на поражённом лице Лаймен. Тонкие тёмные пальцы нежно скользнули по щеке матери.

– Здравствуй, мама. God dag, брат, – рука протянулась Раймонду для пожатия.

– Ты вернулся! – неверяще прошептал тот.

Ироничная улыбка Мариса хлестнула всех огненной плетью:

– А что, мне требовалось для этого согласие риксдага?

Из-за спины Раймонда показалась рыжеволосая женщина со злыми зелёными глазами. Её руки взметнулись в воздух, чтобы сомкнуться на шее гостя:

– Брат Рея, какой сюрприз! Мой дорогой деверь, – по-кошачьи промурлыкала она, всем тонким телом прижавшись к Марису, и потёрлась животом о его пах, – я рада приветствовать тебя в нашем доме.

Алые губы выпятились, чтобы поцеловать его.

– Дорогая невестка, – так же сладко улыбнулся в ответ ей мужчина.

Этот номер всегда проходил гладко, и Аделаида не поняла, что случилось на этот раз такое, отчего, не успев почувствовать на своих губах его губы, она оказалась в метре от Мариса с болезненно пульсирующим запястьем.

– О, чёрт! – она восхищённо уставилась на нового героя.

Раймонд побагровел:

– Тоже мне, блудный сын нашёлся! Что, надоело в Стокгольме по девкам шляться?

– Рей! – ужаснулась Лаймен.

Но Марису не требовалась защита: тяжёлым взглядом он прибил брата к полу и каждое слово было словно камень на голову Раймонда:

– Я побывал в Персии и во Франции, в Китае и на Британских островах. Я плавал за чаем в Индию и искал сокровища на Мальорке, я разводил лошадей в Альпах и прожигал в Америке жизнь. Я был удачлив. Теперь я могу купить эту страну за сотую долю моего состояния. Но ты прав, Рей, у меня нет дома. Есть жилища, виллы, дома и дворцы в разных концах света, но нет сына и нет женщины, которая родит его мне. На вершине своей жизни, когда я мог выбирать среди первых красавиц Вселенной, я оказался последним дураком, я вспомнил об обещании. Я вернулся, чтобы отдать долг своих родителей. Я вернулся, чтобы жениться на Элизе Линтрем.

Сдавленно охнув, Лаймен упала в обморок. Аде коротко и зло рассмеялась.

– А с чего ты решил, милый деверь, что тупая крестьянка всё ещё ждёт тебя? Всем было понятно, что это обман, розыгрыш...

– Она умерла? – Марис смотрел только на отца.

– Лучше бы она это сделала, – хмыкнул, вступая в беседу, Рей. – После праздника урожая Лиза Линтрем выходит замуж за Андреса Ресья. Люди почти закончили строить их новый дом...

Аделаида внимательно наблюдала за лицом Мариса.

– Не совсем то, на что ты надеялся, да? – издевательски прокомментировала она. – Девчонка первая ухитрилась нарушить ваше давнее соглашение и даже не позаботилась спросить твоего позволения.

Марис отвернулся от злобной невестки к брату.

– Какая она, Рей? – тихо спросил он. – Почему она собирается замуж так рано, в семнадцать лет? Может быть, она слишком распутна и понесла от своего жениха? Или научилась

прятать своё уродство? А может, её отец, поняв, что первая помолвка не слишком надёжна, предложил денег первому попавшемуся, чтобы избавиться поскорее от любимой дочурки?

– Её отец умер, – ворвался в молчание голос Эмиля. – Лавка осталась без хозяина, и семья Линтрем теперь разорена. Тебе не принесёт выгоды эта женитьба.

Младший сын широкими шагами обходил гостиную, касался богатых занавесей, смотрел на заново установленные окна, террасу, ухоженный сад за ней.

– Вижу, отец, что ты деньги Линтрема выгодно вложил, не спустил на кости, как раньше.

Что-то в его интонации насторожило отца. Тот подался вперёд.

– Дом приведён в хорошее состояние. И что же?

– Ты собираешься эти деньги возвращать вдове Линтрема?

Отец и мать шокированно переглянулись. О чём говорит этот человек, похожий лицом на их сына?

– Разве вы не заключили одиннадцать лет назад договор? – настаивал Марис. – Как я понимаю, Линтрем выполнил свою часть, хотя и оставил при этом семью без куска хлеба. А что тебе подсказывает сделать твоя честь?

– Линтрем был только крестьянином! – взвыл Эмиль. – Пусть свободным, но человеком без рода, без чести – какая честь у раба?

– Так мы говорим о твоей чести, отец. Ладно, не будем тратить слов. Значит, семья Линтрем живёт впроголодь?

– После смерти отца они не смогли выплачивать налоги. Потеряли статус свободных. Теперь эта семья – одна из беднейших в моих владениях. Их домишко, участок земли и сами они принадлежат мне. Пользы от этого никакой, надо признаться. Хотя девчонки хорошенькие. Да больно малы.

– Какие девчонки? – уточнил Марис.

– Ну как же, дочери. В семье семь девок по лавкам. В брачном возрасте пока старшие три. Самую старшую... м-м, – Эмиль метнул странный взгляд на Раймонда, – ну, ей брак не светит.

Почувяв несказанное, Марис отложил выяснение на потом.

– Потом есть ещё одна, не помню, как зовут. Если надумает замуж – заплатит мне налог. Или в любовницы кому подарю. Ну и Лиза теперь выходит замуж. Ты говоришь о договоре – а я его не забыл. Освободил её от налога и даже денег чуток добавил на новый дом.

Сын усмехнулся.

– В общем, не Линтрем её поторопился спихнуть в новый брак, а ты. Подстраховался. А вдруг я не погиб и надумаю вернуться в родной край?

– Да она сама, как кошка, влюблена в этого Ресья!

– Значит, купил ей жениха. Жалко стало уродину...

Раймонд Стронберг наконец не выдержал несправедливости:

– Да девка чертовски хорошенькая! Сочный плод, куколка! Ух, я бы её... если бы не... – он покосился на полыхающую яростью жену.

– Когда тебе это «не» мешало? – ядовито-сладко пропела та.

Марис перевёл взгляд на отца.

– Да, правда, хорошенькая. Что там, настоящая красавица. Но я люблю вашу мать! – спешно откестился Эмиль. Лаймен ласково улыбнулась мужу, в этой улыбке было обещание клубка змей в постель.

Младший сын встал, потянулся.

– Ну ничего. Отосплюсь с дороги – сам проверю. Мама, можно занять мою прежнюю комнату?

Глава 4

Дом семьи Линтрем был построен ещё их прадедом на землях баронского рода. За сто лет он обветшал – сколько шумной ребятни видели его стены... Все потом уезжали, кого-то в армию короля, а кого и продавали. Свободным крестьянином был только отец Элизы, с ним вместе и его семья, но денег на дом Вергилиус почти не тратил, он всё мечтал разбогатеть да уехать куда подальше к сытой жизни. Хорошо, хоть не пожалел платы за то, чтоб Георга взял кузнец в подмастерья. Старый Хуго теперь не в силе, а кузней его заправляет Георг. Кузнец-то – человек нужный в деревне, без него ни лошадь подковать, ни соху починить. Сам барон заезжает к Георгу в кузню, бывает, что и беседует с ним. Георг и женился на дочке старого Хуго, Миле, у них уже двое ребят. Вот только разрывается брат между своей семьёй и помощью матери. Девчонки совсем ещё маленькие, Линета после случившегося с ней замуж не пойдёт. Селена о городе толкует, всё про какие-то фабрики, тоже не хочет задерживаться в деревне. Лиза говорила брату, что они с Андресом заберут мать к себе, когда сестрёнки вырастут и разлетятся по домам мужей. Вот только с Андресом она этот вопрос не обсуждала. Захочет ли? Но нет, он добрый, ласковый, не бросит старуху голодной смертью умирать.

Лиза знала – ей достался лучший из мужчин. И как первый красавец деревни углядел её за подружками? Тряпье не украшает молодую девушку, да и питались Линтремы плохо. Всё-таки четверо младших в семье, и мать сильно сдала в последнее время. Вся еда – со своего огорода, мясо Георг покупает раз в месяц или два, бывает, что рыбу кушают. Мать картофель не любит, не привыкла к нему, это поветрие только распространилось. Хорошо, хоть сестрёнки понимают – не до капризов. За Андреса замуж очень хочется, да как же она бросит их одних? Андрес-то тоже заботы о себе будет требовать...

Солнце стояло высоко и припекало спину. Лиз с трудом выпрямилась от грядки, даже, кажется, застонала. На землю упала длинная тень. Лиз подняла голову и обомлела – в пяти шагах от неё, у ограды ему по пояс, стоял мужчина, высокий, широкоплечий, как сказочный великан.

– Ну здравствуй, Элиза Линтрем, – процедил он. Лиз охнула и провалилась в тёмный омут воспоминаний своего детства. Баронский отпрыск гонит её на лошади, толкает в лужу, травит собаками...

Марис вовремя подхватил падающую девушку. С неудовольствием уставился на её лицо. Перегрелась на солнце, дурочка. Разве же можно в полдень работать на огороде без шляпы? Пусть шведское солнце – не чета пустынному светилу, а всё же нельзя. Надо водой её обрызгать, где бы взять воду? Взгляд Стронберга обратился к стоящему неподалёку ведру.

Струйки текли по её лицу, по губам, убежали в волосы и под платье. Лиз хлопнула глазами раз, другой... немедленно возжелала вернуться в спасительную тьму. Она лежала на коленях Мариса Стронберга, он сидел на траве под деревом, и было это уже не на огороде, а вроде бы в лесу. Стронберг жевал травинку и с острым интересом разглядывал свою наречённую невесту.

– Что же ты сразу, Лиза, хлоп – и в обморок? – насмешливо потянулись его слова. – Так только благородные дамы поступают, а ты разве ж из благородного сословия?

Губы Лиз Линтрем плотно сжались. Хватило минуты, чтобы она возненавидела Мариса Стронберга с прежней недетской силой. Господин барон вернулся позабавиться? Какая жалость, зверушка теперь кусается, знаете ли!

– Что ты молчишь?

Огрубляя произношение, девушка противным голосом пропищала:

– Какие ж мы благородные, ваша милость, откуда? А всё же не умеют знатные дамы так? – выбросив вверх руку, она вцепилась Марису Стронбергу в нос. Смертельной хваткой

зажала кончик между вторым и третьим пальцами. Слезы мелькнули в обращённых на неё карих глазах.

– Ах, ведьма...

Не теряя времени, Лиз отпустила его нос и сноровисто скатилась с мужских колен. Встала поодаль на четвереньки. Оценила ситуацию. Вроде бы Стронберг не собирается бросаться на неё. Блондин задумчиво тёр свой нос.

– А я жениться на ней хотел...

Глаза Лиз блеснули ликованием. Будем надеяться, что сплетничать о личной жизни поместной крестьянки никому из его высокоблагородной семьи и в голову не пришло.

– Какая жалость, ваша милость! – она покачала головой. – Опоздали вы, господин барон. Мужняя жена я теперь.

Стронберг окинул её таким взглядом, что Лиз замерла – перестаралась! По его виду было понятно, что завалить в траву замужнюю он не считает за грех.

– Неужто опоздал? – блондинчик поцокал языком. – Ай-яй, фру Элизабетта, что ж вы морочите голову некоему Андресу Ресья, обещая ему свадьбу по осени?

Лиз вмиг растеряла желание играть. Дикой кошкой вскочила на ноги:

– Не тронь Андреса!

Мужчина тоже поднялся. Вроде и охнул для вида, и ухватился за дерево – а было ощущение, что всё это игра, не нужны ему никакие подпорки. Лиз огляделась – точно, окраина леса.

– Зачем вы притащили меня сюда? Деревня не пустая, кто-то ведь видел, обязательно донесут Андресу.

– А ваша речь улучшается на глазах, – похвалил Стронберг. – Так где правда, ты – девушка или женщина?

– Du kan dra dit pepparn växer¹, – чуть слышно пробормотала злючка. Марис даже восхитился – характер есть, охота будет преинтереснейшей. И плевать, что раньше он не связывался с девственницами.

Осторожный шаг к ней – девушка отпрыгивает на три назад. Бежать не решается, знает, что в его власти продать в другие земли и сестёр.

– Постой спокойно, дай рассмотреть тебя, – выброшенная вперёд рука цепко хватается за белую косу. Некоторое время Марис вертит, разглядывает её. Красивый цвет волос, то ли серый, то ли розовый. Похож на морские перлы. А глаза, вот странность, чёрные-чёрные, такие же ресницы и брови вокруг. На загорелых под солнцем щёчках – тёмный румянец. Смущения? Гнева? Под ветхим платьем – немалые холмики, обхватом в его ладонь, даром что только семнадцать лет. На мягкой коже – солёные капельки, но даже потная она пахнет свежестью. И страхом загнанного зверя.

Время ползёт медленнее капли сахарного варенья. Рука Стронберга покидает шею девушки, двигается к груди. Баронский сын явно намерен развлечься с ней прямо здесь, лишив её и Андреса будущего. Кому нужна подержанная жена? Пелена безмолвия со звоном лопается в ушах Лиз, девушка даже глохнет на миг от шума листьев, звона птичьих голосов. Рука Стронберга быстра, а Лиз ещё быстрее, брат научил её, куда бить. Ах! Марис не пал на колени, но стоял, согнувшись, пока дрянная девчонка, сверкая пятками, удирала от него. Беги, беги до поры, милая. Сочтёмся.

---

¹ Иди туда, где растёт перец (шведск.)

Глава 5

От радостных хлопот Лаймен Стронберг помолодела, летала ровно птичка. Сын вернулся! Живой, здоровый, не в нищете, судя по его словам. Разговоров о вступлении в брак с поместной крестьянкой Марис больше не затевал, видно, сам понял неразумность своей идеи. Лаймен фыркнула. Надо же, честь! Честь следует блюсти при отношениях с себе подобными, но не к букашке, копошащейся в грязи. Слава светлomu Господу, эта опасность миновала. Однако не следует забывать о другой. Марис обмолвился, что у него есть дом и где-то в других краях, а значит, он может уехать. Снова. Вдруг навсегда? Её материнский долг состоит в том, чтобы привязать его к Швеции. Чтобы и помыслить не мог... А что лучше жены привязывает к дому? Нельзя с этим затягивать, подобрать ему милую девушку из приличной семьи. Лаймен села за письменный столик и занялась списком кандидатур.

Нужна симпатичная, молодая, пригодная к деторождению. После женитьбы Марис купит кусочек коронных земель, есть такой с восточной стороны родительского поместья. Отстроит дом, и займутся наследниками. От Рея с Аде внуков уже не дождаться, понятно. У Аде было два выкидыша, больше она не хочет пытаться, украдкой пьёт какие-то травы, чтобы избавиться себя от тягости. Ходят слухи, у Раймонда есть девка в деревне – да вот сестра этой самой Лизы. Тоже скидывала ребёночка, говорят. Не в женщинах дело, похоже, а в Раймонде. С изъясном старший сын вышел. Лаймен вздохнула. Пусть уж Марис ей внуков и внучек народит, им дом и землю оставят.

На приглашение погостить с охотой на лис и настоящим балом откликнулись все семьи в дне пути от земель Стронбергов. Гостей съехалось без малого тридцать человек. Эмиль скрипел зубами при мысли о расходах, но и сам получал удовольствие от происходящего. Хорошенькие девушки не часто заглядывали в Стронберггард. Мамаш их развлекали Лаймен и Аделаида, заботы о мужской части гостей Эмиль разделил с Раймондом. Что же Марис? Марис спокойно наблюдал за происходящим. Учтив с девицами, предупредителен с матерями, ровен с мужчинами. Как ни старалась Лаймен, а так и не заметила, чтобы глаза его зажглись при виде юного личика. Невесты на выданье вели себя как положено – румянились щёчками, хихикали, роняли платки и перчатки, прикрывались веерами и расстреливали перспективного жениха откровенными взглядами поверх этих самых вееров. Предметы туалета с поклоном возвращались обладательницам, взгляды парировали холодноватой улыбкой учтивости. Да что ему надо, этому Марису? Основные надежды матери возлагались на бал. А утром охота. Лиса видели около озера, рыжего, матёрого. Подняли специально выдрессированных собак. Лошади перебирали копытами под ездоками. Звук рожка – охота началась.

Марис не слишком любил подобные развлечения. Чем виновата перепуганная тварь? К чему её смерть, съест лису всё равно они не смогут. Меха её тоже матери не по статусу. Отдать шкуру Элизе? Марис усмехнулся, представив себе девушку в коротковатом, доставшемся от сестёр платье и лисьем полушубке на плечах. Она скорее продаст шкуру торговцам и купит еды семье. При мысли о бремени, которое приходится слабой девчонке тащить на себе, улыбаться расхотелось. Красивая она. А что станет с её красотой лет через пять, десять убойного труда на огороде, землях барона, ухода за скотиной и беспрестанных, ежегодных родов младенцев Ресья? Этого нельзя так оставлять.

Когда Марис ехал сюда, планы его не простирались дальше явления перед поражённой и восхищённой девушкой в роли принца на белом коне. Жениться? Да пожалуйста, благодаря названному отцу он знает, что женитьба для мужчин – ещё не жизни конец. Женится, делает ей ребёнок, уедет, снова проведает через несколько лет. Теперь-то он понимал, что оставить Элизу здесь, повесив к тому же на плечи дополнительный рот – верный путь к гибели и её, и ребёнка. Современная медицина медленно, очень медленно прокладывала путь в эти

края. Если девочка не умрёт при родах, кормить ребёнка ей будет решительно нечем. Надо или отступаться от неё, или забирать с собой. Названный отец не удивится, от него Марис не скрывал своих планов по исполнению долга чести. Марис представил себе северянку в раскалённых песках Аравии, и тут чувство юмора отказало ему. Впрочем, Элизу Линтрем в никабе и абайе вообразить легче, чем благородных дамочек, заполонивших нынче дом. Может, удастся её перевоспитать?

Ах, помяни чертовку!.. Ловкую девушку на камнях у Эльмарена Марис увидел ещё из-под деревьев. Свесившись наполовину с камня в озеро, она что-то перебирала руками. Заинтригованный, Марис Стронберг подъехал ближе, придерживая морду лошади, чтобы не заржала. Мелькнула серебристая молния, девушка издала торжествующий вопль. Рыба? Она рыбачит?

Когда Марис спешил, Лиза уже заталкивала в ведро вторую рыбку. Мельком мазнув баронского сына взглядом, девушка вновь распласталась всем телом на каменной гряде.

– Доброе утро тебе, красавица!

– Не шуми, рыбу разгонишь, а мне детей кормить.

– Не проще ли купить в лавке?

С высоты – пренебрежительный взгляд.

– За «спасибо» не продадут, а у нас нет лишних эре. Мать несколько шалей связала и продала, так эти деньги пойдут на дрова к зиме.

– Помощь от меня ты, конечно, не примешь?

Оставив мысль о рыбалке, девушка уселась на камне метрах в десяти над его головой, преувеличенно небрежно качнула ногой.

– Слышала я, есть такие женщины в городах, они готовы на всё за «помощь». Твою милость они уже заждались.

Слова были ещё ничего, но выражение лица! Дерзкое и оскорбительное до невозможности. Марис поставил ногу в охотничьем сапоге на нижний камень.

– Слезай, птичка.

– Нашёл дуру! – фыркнула Лиз. Нервно глянула за спину – видимо, уходило время, пригодное для ловли рыб.

– Ты всё равно не сможешь просидеть там несколько дней, – увещевал Марис.

– Так и ты не сможешь, барончик. У вас же сегодня та-а-анцы, – с непередаваемым презрением протянула девица. Насмешка оказалась булавкой, проткнувшей пузырь терпения Мариса. Мужчина вмиг скинул сапоги. И полез вверх. Откуда ей было знать, что он ни дня не пропустил физических упражнений – бег, подтягивания, тяжести, бои на мечах? Девушка завизжала. Стронберг приближался с невероятной скоростью. А куда ей бежать? Забравшись на самый край каменной гряды, Лиз поглядывала в сторону вод Эльмарена. Прямо под ней было очень глубоко, а плавала она неважно. Может, лучше потонуть, чем лишиться девичьей чести? Крепкие пальцы схватили её за ногу.

– Ещё чего, – задыхаясь, пробормотал Стронберг. – Будет она разыгрывать тут самоубийцу!

Рывком он перетащил девушку на относительно ровный участок между камней. Утёр пот со лба.

– Будь прокляты эти гости, два дня уже не занимался. И вино пить приходится, а это не путь воина.

– Чего? – девушка уставилась на него. – Ты не заболел, твоя милость? Какие вы воины, вы жирные кровососы, пирующие на наших загривах! Год за годом... – умелая подсечка выбила из неё храбрость и дух. И вот она снова на коленях Стронберга, только почему-то ягодицами кверху. Платье задрано, а белья она не носит совсем, подобная роскошь для богатых. Минута промедления – и первый увесистый шлепок.

– Поговорим об уважении, фрёкен Элизабетта. Лекция первая... вторая... – на пятой грозный профессор остановился, но не убрал руки с полушарий горящего огнём зада. Корчась от унижения, Лиз строила планы мести.

– Я убью тебя!!!

– Нет... – ладонь начала оглаживать ягодицы. – Ты станешь моей женой, как было уговорено. Но здесь не останешься, я увезу тебя далеко-далеко, где у меня дом. Будешь почтительна к главному человеку в моей жизни... будешь скромна... будешь лежать голая в моей постели... – пальцы скользнули между ног.

Лиз с воплем скатилась в сторону. Ушиблась, конечно, зато платье одёрнула. А в руке уже камень. Она прищурилась:

– Не подходи, пёсий сын. Убью и кожу в озеро, пусть ищут потом.

Стронберг вставать не стал, лишь головой мотнул, и мягкая дымка в глазах рассеялась без следа.

– Не дури, девочка. Было бы за что меня ненавидеть...

– Ты целый год травил меня в детстве!

– Глупый был. Казалось, камень на шею отцы повесили. А теперь думаю – подвеску с бриллиантом не узнал.

В драгоценных камнях Элиза не разбиралась, зато понимала кое-что в мужском вождении.

– Думаешь, всё так просто, всё будет, как ты решил?

Стронберг пожал плечами.

– Уж нет, твоя милость, обломай аппетиты. У меня свадьба. Не тебе вмешиваться.

– Дурочка, – Марис снисходительно смотрел на неё. – Что ты мне сделаешь? Твой отец отдал тебя мне.

Лиз сияла.

– На десять лет! Было условие, что договор расторгается, если за десять лет помолвка не будет подтверждена браком.

– Или если невеста окажется не девственницей, – непонятная улыбка блуждала по лицу Мариса. Он встал, сразу оказавшись выше её ростом. – Так ты девица? – взгляделся в покрасневшее лицо Лиз, махнул рукой. – Разумеется, чего спрашиваю? Вот докука. Придётся тебя не только дефлорировать, но и обучать с нуля всему.

Лиз Линтрем захлебнулась негодованием. Впервые её главное сокровище так обесценили.

– Можешь не напрягаться, господин барон, – с презрением, годным для высокородной дамы, процедила она. – Найдутся учителя.

Марис надулся.

– Я всегда честно выполняю взятые на себя обязательства.

Сопя, словно паровоз – экзотическая пока новинка для Швеции, девушка поползла по камням вниз. Рыбалку сорвал, и... и вообще отвязаться от него не удалось.

– Эй, рыбу свою держи! – свесившись вниз, парень протягивал ей ведёрко. Лиз не удостоила его словом и взглядом, молча вырвала из руки ведро. По дороге к лесу миновала лошадь, стоявшую без привязи, валяющиеся рядом сапоги. Мелькнула злая мысль увести у барончика и то, и другое, пусть потом рассказывает гостям, как оказался в лесу босым и пешим. Но что она будет делать с этой лошадью? На крупе – клеймо Стронбергов, её не продашь, а выпорют вора уже не ладонью и посильнее, на баронских конюшнях.

– Лиз, а, Лиз! – снова донёсся крик, не успела она пройти полдороги до леса. Нехотя обернулась. Младший балансировал на верхней кромке камней, куда лишь она до сих пор не боялась вскарабкаться. И ещё осмелился послать ей оттуда поцелуй!

– Лиз, приходи вечером к нам на танцы, – он передразнил её интонацию. – Взорвём местечко? Будет весело!

Махнув рукой, он с подпрыгом бросился в озеро под камнями. Да ещё сделал кувырок в воздухе, позёр!

Лиз не стала дожидаться его появления. Пусть бы и голову себе разбил, идиот.

Глава 6

– А вы уже все танцы обещали, господин барон? – Ханна, весьма интересная дочь соседей с запада, жеманно поглядывала из-за веера. Всё в ней было неплохо, кроме глупости, так и пёршей из голубых овечьих глаз, да бюста четвёртого размера. Грудастых баб Марис не любил, а тех, кто использовал свои два сокровища в качестве тарана – тем более.

– К моему величайшему огорчению, фрёкен Эсфельт, увы, да. Но боги не могут быть так жестоки, и нам обязательно предоставится возможность составить тур.

Удовлетворённая питониха оставила его, и Марис поспешил укрыться в каморке под крышей. Его комната была временно отдана в пользование гостям. И что им здесь всем, мёдом намазано? Ну, мамочка, погоди, сын припомнит тебе эту игру в сваху! Он не хотел тревожить её известием, что планы насчёт Элизы Линтрем только укоренились. Мать обезумеет от негодования, сделает его жизнь невыносимой. А как же ухаживать за девушкой в сложной обстановке? Лиза уедет с ним, это не обсуждается. Но уехать тоже можно по-разному. С кляпом, связанной и в мешке или основательно попросившись со всеми родными, обещая писать и лучась надеждой на будущее. Кстати, уже можно знакомиться с её семьёй. Он собирался объяснить Лиз, что вся её семья, стареющая мать и сёстры, будут пожизненно обеспечены им, Марисом, не узнают больше нужды, не погибнут от голода и холода. Это потребует от него ничтожных расходов – меньше, чем усилий на изучение отчётов от управляющего. Даже лучше, если она будет чувствовать себя ему обязанной. Искренние чувства – это хорошо, но что-то пока у искренних чувств Элизы неправильная полярность. Только встречаясь, они сразу становятся похожи на злую кошку и мальчишку, дёргающего её за хвост. Где же неровные удары сердца нежной барышни, блеск глаз, плохо скрывающий возбуждение, поцелуи и стоны под луной? Барышня скорееогреет его лопатой, чем бросится в объятия. Марис вспомнил уроки отца на тему покорения девушек и ухмыльнулся. Ничего, с барышней поработаем, а собственное нетерпение укротим.

Дом Стронбергов сиял, как огни, которыми, говорят, украшают улицы и деревья в городах. Было понятно издалека и каждому – у хозяев торжество, гости. Деревенских девчонок, служащих в поместье, третий день не отпускали по домам. Днём и ночью слуги удовлетворяли капризы гостей, стирали да наглаживали рубашки, камзолы, чулки, дамские наряды. И что это госпоже баронессе приспичило? Нет вроде повода веселиться. Последний раз так праздновали три года назад свадьбу Раймонда Стронберга и Аделы Рума. Лиза ненавидела те дни. Как раз в час принесения клятв в часовне, её сестра, слабая после выкидыша, попыталась утопиться. Хорошо, люди заметили, как Линета брела к озеру, бросились за Георгом, а тот вытащил сестру из воды. Девка Стронберга – по-другому Линету в деревне и не называли. А она виновна лишь в том, что любит этого проклятого Раймонда! Что с дуры-бабы возьмёшь? Любит она. Холостого ли, женатого... Эта история заставила Лиз окончательно возненавидеть баронский выводок. И самого барона, и его жену. Один раз Лаймен пересеклась с Элизой, а уж глянула так – с презрением, недоумением, гадливостью, что до сих пор мурашки по коже, от одного воспоминания. Тогда что она, Лиза Линтрем, делает в ночной час здесь, на ограде баронского сада, одетая, правда, хуже некуда – в старые штаны брата, верёвкой стянутые на талии, иначе свалится. На ногах – драные туфли без каблуков, тело прикрывает домотканая рубашка. Вот она хотя бы хорошая, с вышивкой – мама вышивала. Волосы стиснуты в небрежную косу, отрезать бы, да убьёт Андрес.

– Привет, – на дорожке стоял младший отпрыск, перекрывая плечами свет от дома. Плечи у него и вправду на загляденье, мощнее выглядит разве Георг. Такой и коня поднимет над головой, не охнет.

– Как тебе развлеченьице? – Стронберг мотнул головой назад, туда, где виднелись разряженные дамы и кавалеры.

Лиза пожала плечами.

– А что мне? Главное, чтобы тебе нравилось. Это твой мир. Чего от них сбежал-то?

– Ненавижу, – одним словом обозначил своё отношение к развлечениям элиты Марис Стронберг. – Скучно это. Настоящий мужчина заниматься таким не будет. И холодно у вас здесь, отвык я, – он поёжился.

– У нас здесь? – Лиз как-то не испытала любопытства, где он пропадал. Хоть в преисподней, жарился у чертей на сковородке. – Это твоя родина, барончик, между прочим.

Марис Стронберг шагнул вперёд, ухватил болтающуюся в воздухе голую ногу, влез вправду ледяными пальцами под штанину – Лиза аж взвизгнула.

– Слушай, Лиз, – голос его был странно смущённым, – а ты не могла бы меня так не называть? Ну да, знаю, мучил тебя, был козлом, уродом – но что же меня, теперь до седин травить? – он помолчал, но и девушка настороженно молчала. – А знаешь, что я про тебя знаю?

– Что?

– Ты по-французски говоришь.

– Откуда это...

– А мне отец сказал, что твой отец так возгордился после помолвки, что упросил нашего с Реем учителя французского языка давать и тебе уроки.

– Папа ему состояние отвалил, – с горечью добавила Элиза. – Нет бы подумать, на что мы будем жить... потом, да откладывать помаленечку. А он всё мечтал да приговаривал: «Каков я, дочку из крестьян и в баронессы!». Спасибо, папенька, – она поклонилась в темноту, – осчастливил убогую!

– Да, – Марис помолчал. – Это он зря. Тебя не примет это общество, даже со знанием французского языка. От девушек ждут происхождения, умения музицировать, петь, подбирать наряды и управлять слугами. Жениться-то я на тебе женюсь, а только на растерзание матери не оставляю.

Девушка дёрнула пленённой ногой, да так резко, что едва не попала Стронбергу по носу.

– Нужны мне твои милости, барончик!

– Лиз.

– Ой, ладно, извини. Извини! И проваливай. Что ты мне покоя не даёшь? Я люблю Андреса Ресья и хочу за него замуж. Ещё раз повторить? Я люблю...

Воспользовавшись ослаблением её внимания, Стронберг дёрнул девушку за обе лодыжки – и поймал, смягчая удар.

– Малышка, пойми, от тебя уже ничего не зависит.

– Отпусти меня! – Лиз дёрнулась в его руках, затихла и хитро прищурилась. – Так тебе, говоришь, девица нужна? А я на многое могу уговорить Андреса.

Руки Стронберга конвульсивно сжались и тут же расслабились.

– Мне поискать возможность посадить тебя под замок? Ну попробуй, уговори. Будет доживать свой век евнухом-инвалидом, без рук, без ног.

Пока Лиз гневно сопела, Марис перешёл к изучению её наряда.

– Забавные штаны, двух таких, как ты, в них посадить можно. А если дёрнуть за эту верёвочку?

– Руки убери.

– Душа моя, я только начал! А под ними по-прежнему ничего? А под рубашечкой?

– Послушайте, господин хороший, – девушка напряглась, – здесь все так одеваются. Когда каждый в старой одежке, мы уже и не так бедны. Вот по сравнению с вашей матушкой...

Марис бросил атаковать грубую ткань.

– Не надо сравнивать. Ну, носит она на себе десять слоёв одежды, так с детства привыкла же. Ты можешь представить себе мою мать в одной рваной юбке и без исподнего?

– Моя так и ходит, – по горечи в голосе стало ясно, что попытка Мариса пошутить не удалась. – Болеет зимой всё время, говорит, внутренности печёт. А что поделать? У нас на уголь денег не хватает. Одежду уж перешиваем по сто раз...

– Лиза, твои родные ни в чём не будут нуждаться... – чутьём воина Стронберг понял, что сейчас получит в нос, и дёрнул голову, уходя с траектории свистнувшего кулачка. Девушка рядом шипела, как кошка.

– Стронберг, я не продаюсь!

– Тогда просто потанцуй со мной, – в доме заиграла музыка, выплёскивающаяся через раскрытые настежь дверь в сад.

– Да я не умею, – выдвинула Лиз следующий аргумент. Марис обхватил всё её тело тёплыми руками.

– Всего лишь не сопротивляйся.

Они покачивались, словно лодочка на море, несколько минут. Лиз удивлялась настроению Стронберга. Чего он привязался к ней? Вон сколько хорошеньких барышень съехались в гости к ним. А её уж не дразнил бы, оставил её крестьянскую долю. Неужели и вправду не даст выйти замуж за Андреса? Она так любит его... Лиз захотелось развеяться от понимания своей беспомощности. Помолвили – не спросили, замуж не пускают – и тоже не спрашивают...

А Марис думал про сладкое, тёплое тело в его руках. Девочка идеально подходит ему. Он оденет её, отмоет, покажет мир и миру. Какой она будет мягкой, нежной и узкой, когда он впервые войдёт в неё! Как будет захлёбываться в благодарностях, когда поймёт, что мать её вылечена, а сёстры пристроены замуж за надёжных мужчин! Одну из них можно и Андресу Ресья отдать, если не станет дурить парень... Лиз неосторожно приподняла голову, не успела и охнуть, как Марис Стронберг её поцеловал. Губы его были, в общем, приятные, не агрессивные, не слюнявые, тёплые и расслабленные. Но семнадцать лет – не возраст компромиссов. Как он посмел замахнуться на принадлежащее Андресу?! Марис ощутил упирающийся в его нижнюю челюсть крепкий кулачок. Мечты с прощальным звоном брызнули феями по сторонам.

– Что ещё? – без восторга уточнил Марис. Девушка демонстративно отёрла губы.

– Совсем обалдел? Я – невеста Андреса!

– Завтра продам его служить на границу, – пробормотал Марис. – Надоел он мне. Ни разу не видел, а уже надоел.

Лиз встревожилась. У Андреса не было статуса свободного крестьянина, имеющего право переезжать на новое место без согласия владельца земель, и Стронберг мог – действительно мог! – продать его в королевские войска.

– Не тронь Андреса, слышишь?!

Стронберг гадко ухмыльнулся.

– А ты уговори меня.

– Я убивать обучена, не уговаривать, – парировала девушка. – Ухвачу тебя, как петуха, подмышку да шею сверну!

– Подпрыгни только повыше, забияка.

Вдали послышалось игривое девичье ауканье, на несколько голосов выкрикивающее его имя. Марис встревожился.

– Ну всё, давай подсажу, иди отсюда. Рано им про тебя знать.

Лиз ещё бы поспорила, что знать тут как раз и нечего, но ей самой не хотелось прослыть в деревне очередной девкой очередного Стронберга. Лучше без обсуждений... пока.

Глава 7

Женщина была старой, замученной. По своему фактическому возрасту Мелисса Линтрем вряд ли обгоняла Лаймен Стронберг, но от лишений и горестей смотрела на мир старушечьими глазами. Она хлопотала вокруг почётного гостя, не зная, куда его посадить и чем угостить, своим подобострастием невольно – или намеренно – оттягивая момент объяснения; а все её семь дочерей, включая самую младшую, пятилетнюю Марселу, стояли у стены, с самым мрачным видом взирая на посетителя и даже одинаково сложив руки на груди. В миндалевидных глазах Элизы, впрочем, таился страх – появление бывшего жениха не сулило ей ничего хорошего. Старший, известный в селении своей вспыльчивостью, их брат, к счастью, отсутствовал.

– Мелисса! – властным тоном Стронберг прервал монотонное воркование хозяйки ни о чём. И, когда её голубые глаза тревожно вскинулись на него, сбавил тональность. – Я должен поговорить с вами, Мелисса Линтрем, о серьёзных вещах и поэтому прежде всего попрошу, чтобы вы удалили отсюда детей.

– Да, конечно, – суетливо закивала несчастная женщина. – Нонна, Мирабела, уведите малышей!

Двойняшки одновременно мрачно насупились:

– Да, мама.

– Я имел в виду всех детей, – уточнил Марис Стронберг.

Золотистая загорелая кожа Элизы сперва полыхнула жарким румянцем, а затем побледнела, как смерть.

– Интересно, – хрипло заговорила она, – до какого возраста девушка считается ребёнком? И думали ли вы, что я дитя, когда предлагали мне переспать с вами?

– Лиза! – резким окриком остановила её мать.

– Конечно, конечно, мамочка, я ухожу, – но ещё долгую череду секунд, почти минуту не отрывала она взгляда от холодного и пресыщенного, ненавидимого лица, сражающего наповал своей ледяной привлекательностью. Даже пушечный выстрел не мог потревожить бесконечного эгоцентризма Мариса Стронберга.

Проследив непроницаемым взором траекторию закрывающейся двери, богоподобный блондин устремил мёрзлый взгляд на мать Элизы. Его голос был холоден и бесстрастен:

– Вы знаете, с какой целью я здесь, Мелисса?

– Наверное, – неловко поёрзав, неохотно выдавила женщина из себя. – Говорят, вам зачем-то понадобилась моя дочь.

– Да, – отрывисто бросил хозяин земель в напряжённое пространство между ними. – Ей почти восемнадцать, правильно? Если плодовитостью она пошла в вас, ей пора начинать рожать мне наследников. Со своей стороны обещаю ей максимально возможную помощь.

Немолодая шведка тяжело вздохнула, отвела взгляд в сторону, словно даже смотреть на Стронберга ей было невыносимо. Вскормленной на сословных различиях, Мелиссе так очевидно не хотелось идти на конфликт, что мужчина напротив даже почувствовал лёгкий намёк на жалость.

– Господин Марис, я не знаю, что мне сказать вам. Элиза помолвлена. Но у меня много ещё более красивых дочерей. Вы можете хоть сейчас жениться на Нонне или Мирабеле, или Ренате...

– Остановитесь, прежде чем вы предложите мне самую младшую. Я не просил замены.

– Вы такой же упрямый, как и она, – во взгляде Мелиссы было страдание. – Дурная девчонка вбила себе в голову, что знает, чего хочет от жизни, и её уже не переубедишь. Она хочет Андреса.

– Продайте мне вашу дочь, – слова вырвались у него неожиданно, удивив самого Стронберга. Но мысль пришлась по вкусу. – Продайте Элизу.

– Как это? – с изумлением уставилась на него Мелисса.

– Очень просто. Ударим по рукам, я заплачу поставленную вами цену и увезу Элизу. И вы её больше не увидите.

– Она всё-таки моя дочь, я не могу так поступить с нею, – но по уныло опущенным рукам Мелиссы было понятно, что сил на борьбу у неё больше нет.

Однако Стронберг как-то слишком легко смирился с отказом:

– Ну что ж, есть много способов укротить дикую кобылку. Тогда отложите их свадьбу и приставьте какую-нибудь из младших дочерей быть рядом с Элизой, пока она встречается с этим своим... – он щёлкнул пальцами, – Ресья. Мне нужно время, чтобы приучить девушку к мысли об отсутствии у неё выбора.

– Вы всё-таки хотите жениться на ней, господин Марис? – он мог бы поклясться, что в безвольных светлых глазах Мелиссы сверкнула надежда.

– Вот именно. По двум причинам: мне нужен наследник и мне нужна красивая женщина в постели. Ваша дочь отвечает моим запросам, фру Линтрем. Что до манер и поведения в обществе – я воспитаю её.

Баронский отпрыск ушёл, а после его ухода Мелисса обнаружила под глиняной миской мешочек с серебряными монетами. И спрятала его до поры, понимая, что Элизе об этом говорить нельзя.

Глава 8

Эмиль Стронберг был недоволен.

– И где же невеста, госпожа баронесса? Не думайте, что я не понял, для чего вы затеяли этот бал. Только невесты-то нет, похоже!

Супруга ожгла его взглядом разочарования:

– У вас есть идея получше, драгоценный супруг? Очередной сговор о браке уже не работает, Марис больше не мальчик, каким можно управлять. По-моему, он просто наслаждается жизнью. Давайте же возблагодарим Небеса, что история с крестьянкой забыта!

Забыта ли? Эмиль не был уверен в этом до конца, да и Лаймен, похоже, занималась самоуверенностью. Всё-таки девочка так свежа, молода и аппетитна... вот бы ему такую покорную до раболепия подстилку...

Чёрт, чёрт, чёрт! Jävlar, да и только... Что за проклятье преследует её? Ну и денёк выдался сегодня: с утра она сцепилась в очередной раз с матерью, и в самый разгар объяснений Мелиссы, какая дура её третья дочь, из поместья Стронбергов принесли неохватный букет волшебного украшенных оранжерейных цветов. Такого испытания терпение Лиз не выдержало, и посыльный удалился с надетой на голову корзиной, в одежде, осыпающейся сотнями благоухающих лепестков. За утешением Лиз отправилась к Андресу, но вместо нежности и понимания получила ещё один по-женски истеричный скандал: до Андреса Ресья тоже дошёл слух о том, что его наречённую видели в компрометирующем обществе Стронберга. Даже слёзы не помогли на этот раз: Андрес всерьёз надулся и ушёл в дом, бросив её рыдающей у ограды. От неё отказались все – жених, мать, и только проклятый Стронберг, разрушивший всю жизнь Лиз, ждал и желал её. Эта мысль вогнала её в беспросветное отчаяние. Господи, ну случается же по твоей милости, что человек, который ей отвратителен, по-настоящему сходит от неё с ума! Вся напоминая бурлящий горячий источник, кипя и клопоча от негодования, Элиза вместо работы на огороде взбунтовалась – отправилась купаться на озеро в лес. Эльмарен не успокоил её, он оказался слишком тёплым, чтобы остудить кипящие чувства, и хмурый, неразговорчивый. Ей следовало обратить внимание на небо – спустя двадцать минут упрекнула себя Элиза, когда разверзлись небесные водохранилища и она искупалась второй раз, теперь уже в одежде.

Она постояла чуть-чуть под деревьями, но ливень и не думал прекращаться. Пора было искать убежище понадёжнее ветвей, с которых лилось ей на голову ничуть не меньше, чем с неба. Волосы Лиз в момент превратились в тусклые мокрые водоросли, юбка липла к коленям, а рубашка – к груди. Как неприятно... Зачем-то отжав подол, Элиза бегом бросилась в сторону деревни.

И ей повезло. Метрах в трёхстах от кромки леса, посреди луга, стоял сарайчик для сушки скошенной травы. Сейчас, когда до наступления первых холодов оставалось совсем немного, сено уже было всё убрано внутрь – а значит, она, по крайней мере, сможет там согреться после неосторожного свидания с Эльмареном.

Дверь была чуть-чуть приоткрыта, а замка на неё отродясь не вешали. Были в деревне более важные объекты, которые следовало защищать. Лиз проскользнула внутрь и окунулась в невероятно пахучую гамму сохнувшего сена. Места, правда, чтобы развесить промокшую одежду, было совсем немного; но вещей у прячущейся от дождя девушки – и того меньше. Если развесить юбку и рубашку на стропилах, они высохнут до утра; а сама она зароеется глубже в сено, да заберётся повыше и пересидит без нитки на теле, прикрытая волосами.

Рубашка была уже на полпути к снятию, закинута на голову, когда сзади раздался предупреждающий кашель.

– Не то чтобы мне не нравилась твоя спина...

Лиз взвизгнула и заметалась. Мокрая ткань снова шлёпнула по холодной коже.

– Ах, твоя милость, чтоб тебя! И чего дома не сидится? Смотри, какое ненастье!

– Мне вот захотелось экзотики, на сеновале переночевать, – Марис Стронберг ей улыбался с горы сена и даже – мерзость какая! – подмигнул.

Лиз нерешительно выглянула наружу, но дождь усерднее прежнего месил грязь.

– Наши мысли совпали?

Лиз не отвечала. Парень съехал со скирды сена, весь такой чистенький, сухой, безупречный, в белой батистовой рубашке с завязками на груди, в светлых штанах. Ему-то тепло и сухо...

– Промокла, – констатировал он заметный всякому глазу факт. – А вдруг простудишься? У женщин с этого часто бывают осложнения... по девичьей части.

– По девичьей части у меня осложнения от тебя! – огрызнулась Элиза. – Шёл бы ты своей дорогой, барончик... – она вздрогнула от увесистого шлепка. Марис с неудовольствием посмотрел на мокрую после встречи с её юбкой руку.

– Фу, противно как, будто лягушку потрогал. Насиловать мокрую женщину как-то душа не лежит. Раздевайся!

Лиза стояла, раскрыв широко глаза, застигнутым врасплох зайцем.

– Раздевайся! – уже с раздражением повторил господин. – И прекрати трусить. Наденешь мою рубашку. Гардероб, сама понимаешь, остался в доме, – голос его звучал невнятно из-под ткани, что Стронберг стаскивал с себя. Оставшись наполовину обнажённым, пихнул рубашку в руки Лиз. И отвернулся.

– У тебя три минуты, чтобы отмереть, – предупредил он. Лиз не решилась уточнять, что будет потом. «Потом» не в её интересах. Вздохнув, она сбросила мокрую одежду с себя, на миг поднесла к лицу рубашку Стронберга. Чистая... тёплая, ароматная... небось с деликатным мылом стирают, которое для мытья. Подруга Лиз, работающая в господском доме, однажды принесла в листике с дерева немного такого мыла – мягкого, словно свечка. Оно было розовое и пахло розами. Сама Лиз и дети по-серьёзному мылись раз в месяц, когда в деревне топили общую баню для жителей – на дрова скидывались все. Волосы промывали смесью из глины и топлёного сала, а потом полоскали отварами трав. Так что грязнулей Лиз не была, но и розами не благоухала. Рубашка же Стронберга была вещью из другого мира. А что ей сомневаться, он сам отдал! Лиз быстро натянула предложенную вещь. Обрадовалась, что та не слишком коротка для её роста, прикрывает бёдра.

Девушка хозяйственно выжала и развесила брошенную одежду, вставая на кончики пальцев, чтобы дотянуться до стропил. А обернувшись, наткнулась на пристальный взгляд Мариса. Начала краснеть, гадая, как много тела он видел под задирающей рубашкой. Потом вспомнила руку Стронберга, шлёпающую возле озера её голый зад, и краснеть раздумала. Большого он увидеть не мог.

Забравшись повыше в стог, Лиз села, целомудренно натянула на колени подол. Марис улёгся рядом, с едва заметной улыбкой разглядывая её. Лиза подумала, что Стронбергу вообще не свойственно широко улыбаться, это не Андрес, готовый бегать вокруг с улыбкой до ушей, кипучей энергией. Андрес был... своим парнем, простым и понятным, без тайников и лабиринтов в характере. Радовался – хохотал, злился – смурнел и бил сразу. Тонкие разговоры намёками были не для него. Зато и сомневаться в его чувствах Элизе не приходилось, о них Андрес кричал на всю деревню петухом.

– Тебе нравится такая жизнь, Лиз?

– Да что в ней может нравиться, – автоматически ответила девушка, продолжая думать о своём. – Дети всегда голодные, одежды не хватает, жалуются на холод.

– Тебе тоже холодно...

– Да что я! Я потерпеть могу, а вот сёстры маленькие. Их надо учить читать и писать, этим Селена занимается, она грамотная, – в голосе Лиз мелькнула гордость за сестру. – Она хочет уехать в город и устроиться работать на фабрику.

– Это тяжёлый труд, – перевернувшись на спину, Марис заложил руки за голову и смотрел в потолок. Женское любопытство заставило Лиз глянуть разок-другой на упругие выпуклые мышцы груди. Хорош... а кожа не белая, как у всей господской семьи, а даже коричневая. Как будто тяжко работал под жгучим солнцем. Следующие слова Мариса хлестнули кнутом.

– Многие женщины устают от него и выбирают женский путь.

– В содержанки? – Лиз взвилась, готовая прочитать лекцию о морали и достоинстве. Стронберг утихомирил её простым.

– Сoderжанки – это элита. Сотни становятся гулящими. Зарабатывают своими телами при трактирах и на улицах, стареют, изнашиваются, болеют. Нередко их убивают мужчины, заражённые дурными болезнями. Нет уж, в деревне лучше, тут свобода и чистота.

– Свобода для господ, – Лиз пожалала плечами. – Прикажет мне завтра господин барон бросить всё и явиться работать к нему в дом – у меня нет выбора. Некому жаловаться, если он захочет меня убить.

– Нужно больно!

– Знаешь, твой брат надругался над моей сестрой, когда Линете было пятнадцать. Он не думал, что после этого Линету замуж не возьмут. Какое до этого дело хозяину? Это потом она придумала, что любит его, чтобы хоть как-то оправдать, что продолжает жить, а не утопилась. Матери запрещают дочкам с ней разговаривать, можно только кидать камни и плевать. А ты говоришь «дурные болезни», – Лиз снова вздохнула. – Если на солнце заглядываться – можно остаться без глаз. Вот Лин и сгорела.

– Они продолжают... встречаться?

Лиз улыбнулась осторожности формулировки.

– У вашей семьи есть домик в лесу, твой брат то и дело таскает туда Лин. Как с женой поругается, так и едет туда.

– А жизнь хоть как-то облегчает? Денег там, дров, мяса...

– Хорошо, что ему в голову это не приходит, – слишком уж ровным тоном проговорила Лиз. – Верну всё. Можно иметь сестру-идиотку, но не продажную.

Стронберг смотрел задумчиво на стропила крыши. Что он мог ей ответить? Что гордость – слишком большая роскошь для женщин её сословия? Глупая девочка, ещё вся в иллюзиях по поводу своего места в мире...

– По-моему, я тебя ненавижу, – вдруг спокойно проговорила Лиз.

– Ты так думаешь? – тон Мариса был нейтральным.

Девушка тряхнула своими удивительными розовыми волосами.

– Да. Смотрю на тебя и чувствую так... аж дыхание заходится. В голове одна мысль: напасть, расцарапать, покалечить твою смазливую мордочку...

Стронберг заинтересовался, повернулся на бок к ней.

– Ты думаешь, я красивый?

– Я думаю, что ты гад, – Лиз не стала таить чувства.

– Отчего так?

– А по тебе не скажешь, когда будешь бить, когда полезешь с поцелуями...

– Как только попросишь.

– У Андреса всё не так. Мой Андрес ясен, как вода в ручье. Смотрит зверем – будут неприятности, а улыбается до ушей – весь мой.

Марис поморщился.

– Вот без лекции об особенностях Ресья я вполне мог обойтись.

Лиз светло улыбнулась ему.

– Ты сам спросил.

Ох, не проста его девочка, отнюдь не проста! И зубаста. Вытянув руку, Стронберг провёл ладонью по голой ноге Лиз. Девушка словно ошпаренная метнулась в сторону, запуталась в мягком, проваливающемся под ногами сене, упала. Да неудачно, её нижняя половина оказалась ближе к мужчине, чем руки и голова. Элиза застыла напуганным зверьком, однако Стронберг вроде не собирался набрасываться на неё и насиловать. Дольше лежать опрокинутым пугалом было глупо. Старательно одёргивая рубашку, Лиз подтянула ноги к груди.

– Иди сюда, жертва землетрясения. Хочешь спать? – Стронберг выглядел умиротворённым. – Люблю дождь. В Швеции он особенный, покойный...

Ловкими движениями баронский сын разложил одеяло на сене, какое-то особенное, тоненькое, но сухие травинки уже не кололись через него.

– Иди ко мне, – повторил Стронберг, – я тёплый и безопасный.

– Целовать больше не будешь? – Лиз не смогла удержаться от касания больной темы.

Марис долго смотрел на неё сонными карими глазами.

– Буду. Наверное. Не могу только точно сказать, когда.

Лиз замолкла, обдумывая странный ответ. А Марис тем временем подгрёб её, прижимая к тёплому твёрдому боку. Покрытому только кожей.

– Разреши мне касаться тебя.

Девушка дёрнулась, прикрывая руками грудь. Стронберг неслышно рассмеялся.

– Там пока рано. Ты просто не знаешь всех своих чувствительных мест. Женщину можно распалить, не прикасаясь к груди, к губам и к... секретному холмику. А моя задача сейчас – усыпить тебя.

Лиз втянула ноздрями солёный и терпкий запах мужского тела. С тобой, пожалуй, уснёшь... Длинные пальцы Мариса обежали, легонько касаясь, её лицо, проникли в волосы и начали невесомо массировать, чуть потягивая пряди. Лиз устыдилась, что волосы её мокрые, свалывшиеся от дождя; но Стронберга это вроде бы не смущало. Было приятно. Сама не заметив, Лиз носом почти уткнулась в мужскую грудь, запах Мариса больше не мешал дышать и не стискивал горло.

– Ты тоже можешь потрогать меня, – проворковал искусительный голос откуда-то сверху. В сладкой пелене почти сна Лиз повела ладонью от крепкой шеи вниз, к косточке у горла, погрузилась пальцами в ямку, сползла на грудь. И тут же снизу её толкнула твёрдая и упругая часть.

– Ай!

Стронберг боднул её ещё раз. Лиз выросла в деревне и знала признаки, когда козлы, быки и псы становятся опасными. Мужчины, наверное, тоже? Неужели у них внизу есть такое же красное и отвратительное?

Марис почувствовал – что-то идёт не так. Руки его уже обнимали не девушку, а окаменевшую статую. Элиза практически перестала дышать и моргать, было понятно, что тормошить её бесполезно. Девушка испугалась. А всё его нетерпеливый друг... Отстранившись бёдрами от Элизы, Марис продолжил в месмерическом ритме гладить её волосы. И тихонько мурлыкать монотонный мотив.

Прошло, наверное, минут пять, пока сведённые судорогой ужаса мышцы девушки дрогнули. Марису снова пришлось решать задачу. Усыпить её окончательно или продолжить образование? Пожалуй, усыпить. Она измучилась. А Лиза решила за него, уже тихонько посапывая подмышкой. Марис подумал... и отпустил тоже себя.

Такого уютного сна у неё ещё не было. Лиз иногда спала в общей кровати с младшими сёстрами, но эти бойкие котята не успокаивали, а вертелись и пинались, лишая надежды отдохнуть. А когда и спалось, то вполглаза, в режиме контроля за ситуацией. Одной в кровати было всегда холодно под стареньким одеялом, а кошек для ловли мышей или тепла в доме не при-

вечали. В этот же раз были все условия: сено ароматное, никто не тревожит, за стенами шуршит дождь. Тёплые властные руки обнимают и держат её. Да только это не жених, не Андрес – и ему-то лежать рядом с Лиз было рано, а младший Стронберг. Барончик настолько лишён самосохранения, что позволяет себе спать вместе с ней. Лиз не хотела будить его, поэтому лишь повернула голову набок. Спит. Лицо мягче, чем в бодрствовании, лишено напряжённой злости, ресницы мирно лежат на щёках. Они короткие, светлые и наверняка жёсткие, потрогать Лиз не решается. А губы, когда не сжаты, мягкие и пухлые, как у девчонки. Лиз смешно. Она фыркает, а через пару секунд Марис уже сонно чешет нос о её плечо.

– Проснулась, неугомонная? Как спалось?

– Замечательно, – отвечает Лиз, и Марис не скрывает удовольствия от её искренности.

– Чего же ты испугалась, девочка? – провокационно бормочет он.

Лиз честно пытается вновь впасть в оцепенение, однако страх с прежней силой не возвращается.

– Ты не такой, как я.

– И слава богу, – Марис тихо смеётся. Потом задумывается. – А как у нас с основами анатомии?

– С чем? – крестьянка смущается, но всё же смотрит на него. Марис вздыхает.

– Ты голого мужчину когда-нибудь видела?

Теперь Лиз сокрушена. Она отворачивается.

– Я не буду больше разговаривать с тобой.

Вот дурочка! И он дурак, что позволил себе надеяться отвертеться от преподавания. Вопреки истинным желаниям собственника в себе. Нет, её опытности он не хотел.

– Иди ко мне, недоразумение. Другие девушки в твоём возрасте... – он обрывает себя, сообразив, что мысли Лиз вновь свернут на сестру, и со сложившимся романтическим настроением можно будет распрощаться. По той же причине не стал говорить, что будь он на месте Ресья, давно бы уже побывал у невесты под юбкой. Он может сдержать свои аппетиты, но меняться не собирается.

Стронберг натянул на лицо суровое профессорское выражение:

– Итак, господа студиязусы, спросим себя: что же отличает мужчину от женщины?

– Ум, – буркнула Элиза. Брови Мариса, выражая приятное удивление, задвигались; но девушка безжалостно добавила.

– У мужчин его нет.

Кхе-кхе, как говорят опытные преподаватели, беря паузу на обдумывание. Ну да Бог с ним, с содержанием черепной коробки!

– Фрёкен Линтрем, вы искушаете меня соблазном удалить вас с лекции...

К его удивлению, Лиз смущается всерьёз, краснеет, по-детски оправдывается:

– Я ничего... а что я?..

Чудесная игра. Марис откашливается:

– Вернёмся к теме телесных различий. Женщина предназначена природой стать матерью и кормить дитя, поэтому у неё внутри есть тайная полость для вынашивания младенца и грудь с сосцами, из коих выделяется молоко...

– Корова, – печально вздыхает Лиз. Нет сомнений, когда бы её допустили на лекцию в настоящем университете, она бы взбаламутила весь факультет.

– Строение живородящих самок похоже, – соглашается Стронберг, стараясь не обидеть её. И забывает дышать, когда тёплая мозолистая ладошка ложится ему на грудь.

– Марис... а где ты набрался этих мудрёных слов?

Ловя наслаждение звуком своего имени на её устах, он с трудом понимает вторую часть. Но понимает – и хмурится: она стремится разрушить отличную игру.

– Много ездил по миру, малышка. А можно, я изучу, правильно ли устроена твоя грудь? – ладонью он плотно обхватывает холмик размером с хороший апельсин. И прёт напролом. – Тебе для этого придётся поднять рубашечку.

Грудная клетка Лиз раздувается, как кузнечные мехи, и Стронберг догадывается – планирует завизжать. Другой рукой сноровисто закрывает рот девушки.

– Всё, всё, я уже хороший. Давай перейдём к строению мужчин?

Элиза крутит головой и рычит, а когда удаётся освободиться от его руки...

– Лучше мы перейдём к смертоубийству! У меня есть жених, сколько раз говорить?!

– Ага, и поэтому ты валяешься со мной на сеновале практически голая!

– Убью тебя, – Лиз разъярилась не на шутку. Волоски на загривке Мариса встали дыбом. И не смешно вовсе, даже редкий зверь слон боится дикую мышшь.

– Убивай, – он расслабился, закрыл глаза и раскинул руки, прикинувшись трупиком. Дохлая жертва не интересна практически никому.

Лиз презрительно сморщила нос.

– Ну, хватит. Если моя одежда подсохла, я буду собираться домой.

А вот этого Марис не собирался ей позволить.

– Домой? Лиз, на дворе глубокая ночь. Что скажет Мелисса, когда ты ночью постучишься в двери?

– Хорошо, что пришла, – но девушка всё же задумалась. Надевать сырую одежду и вылезать под дождь – он так и стучал по крыше сарая, во тьме шлёпать по скользкой мокрой траве да грязи...

– Останусь, если дашь обещание, Стронберг, не приставать ко мне.

Вздых Мариса – верх притворства.

– Не могу я этого обещать. Лучше скажу по-другому – ничего против твоей воли, тебе не будет неприятно.

Элиза снова легла на сено. Поёрзала, перебралась ближе к Стронбергу на одеяло.

– Я никогда не обращала внимания, что оно колется. Ты делаешь меня слабой, барон.

По крайней мере, не «барончик». Он, видимо, подрос в её глазах.

– Жить в грязи и лишениях не означает демонстрировать свою стойкость. Только глупость и лень, нежелание выбраться оттуда.

– Ты, я так понимаю, выбрался? Или прожигал деньги родителей?

Марис не обиделся.

– Убегая из дома, я взял с собой восемьдесят крон. Все прочие деньги за одиннадцать лет я заработал своим умом и трудом. Хотя ты считаешь, что у мужчин ума нет.

Он замолчал надолго, и это молчание заставило Лиз робко потрогать его за плечо.

– Не обижайся, я так не думаю... наверное. Я повторяла за мамой.

– У твоей матери, заметно, к отцу остался большой счёт. Восемь детей – и никаких сбережений. Зато одна из дочерей знает французский язык!

– Заканчивай потешаться.

– Лиз, ты точно не хочешь выйти за меня замуж?

Девушка только застонала.

– А ведь я могу увезти тебя во Францию.

– Не надо меня подкупать, – голос Элизы дрогнул. – Это нечестно по отношению к Андресу, у него-то таких возможностей нет.

– Да мне плевать на возможности Андреса! – заорал Марис. Сарайчик содрогнулся. – Я о себе думаю! Хочу тебя – и получу тебя! Ты знаешь, я могу поступить, как твой хозяин: просто взять и изнасиловать. Раз, другой, пока не потеряю интерес к игрушке.

– Да зачем тебе... – пискнула Лиз.

– Зачем? А ну, дай сюда руку! – разжав её пальцы, он силой плюхнул ладонь себе между ног. Лиз заторможенно ощутила нечто, похожее на крупную варёную морковь, очень тёплое, теплее остального тела, плотное, но упругое. Под её пальцами оно ещё увеличилось в размерах и в крепости, ткнулось в ладонь.

– Ой, там что-то не так! Сломалось... я не виновата!

– Ещё как виновата, – пробурчал Марис. Ярость покинула его. – Вот это и есть основное отличие мужчин. Кроме чести, гордости и стремления защищать свою семью. Так что – станешь игрушкой или выйдешь за меня?

Лиз засопела.

– Не стану. Не выйду. Я – невеста Андреса. Можно просто принять мой выбор?

– Я знаю, что ты в нём не уверена. Пожалуй, продолжу искушать тебя.

– Ты... ты... – девушка не находила слов.

– Тиран? – весело подсказал Марис. – Узурпатор? Так точно. Всё, что я вижу и хочу, становится моим. Когда-нибудь я расскажу тебе о своей жизни, малютка. Если захочешь. А пока только одно: я жил здесь и рос, как в первозданном Эдеме, с философией, что мир существует вокруг меня. В последовавшие годы мой взгляд весьма изменился. Я вынужден был бороться за слишком многие вещи, цветочек, чтобы не стать жадным. Голодный не насытится никогда. И я беру от мира всё больше и больше – всё, что он может мне предложить.

– Даже ненужное? – тихо произнесла Лиз. – Ведь я не нужна тебе.

– Это неважно, красавица, – он тут же поправился. – То есть было бы неважно, даже если бы ты была права. Но ты ошибаешься. Ты нужна мне настолько, что я прошу тебя выйти за меня замуж.

Лиз поморщилась, спрятав гримаску под спасительным покровом тьмы:

– Этот проклятый дух соперничества между мужчинами! Уверена, что если бы Андрес не предложил мне выйти за него, ты и мельком не посмотрел бы в мою сторону.

– Один.

– Что один? – не поняла Лиз.

– Один раз всё-таки бы посмотрел. Из любопытства. А там, – он пожал плечами, – кто знает?

– Еще не поздно, Марис Стронберг, – горячо зашептала Лиз. – Не поздно забыть, что ты увидел. Просто найди себе другую.

– Поздно, – Марис поморщился. – Когда я собирался сюда, звёзды мне предсказали, что тот человек, кем я был, обратно в Париж не вернётся. Я полагал, что всё это из-за встречи с семьёй. А рифы оказались совсем в другом месте. Поздно, – повторил он сухим, неутешительным тоном. – Теперь ты для меня единственная.

– Тебе будет больно, Марис, – из самых лучших намерений Элиза пыталась предостеречь его. – Я не хочу причинять тебе боль, что бы там когда-то ни произошло между нами. Ты не найдёшь со мной своего счастья.

– Счастье имеет разные лики, – Марис безрадостно рассмеялся. – Для кого-то оно в покое, для кого-то – в страдании. Я, кажется, из последних... Я нашёл свою женщину, и отныне ты можешь терзать меня, сколько вздумается, Элизабетта Линтрем, но я, словно рак, останусь висеть на твоей жизни. Я уже достаточно взрослый, чтобы уметь отличить любовь – пусть даже неправильную – от влюблённости. И буду повторять тебе о своей любви при каждой встрече.

– Сегодня, – зловеще заговорила Лиз, – ты имел наглость прислать мне цветы. Получил мой ответ? Так вот, если потребуется, чтобы жизнь моя вновь стала спокойной, убить тебя, моя рука не дрогнет. Давай лучше расстанемся по-хорошему, Стронберг.

– Я люблю тебя.

– Понятно. Это, конечно, даёт тебе право загравить меня до смерти.

– Лиз, ты слишком драматизируешь. Я не прошу многого – просто дай мне тебя познакомиться с истинным Марисом Стронбергом. И сделай трезвый, обдуманый выбор между Ресья и мной.

– Да что ты говоришь? – наигранно изумилась Лиз. – А мне-то, глупой, казалось, что у меня нет выбора.

Марис негромко засмеялся в темноте:

– Нет, почему же, есть... до определённого предела. Спать ты всё равно будешь в моей постели, красавица.

Вся полыхая от ярости, Лиз стукнула его по рукам.

– Проклятый обманщик!

– Мне кажется, я был с тобой честен, Элизабетта. Если тебе угодно расценивать ограниченный выбор как отсутствие выбора, я не стану тебе мешать. Но ты нужна мне, Лиз. Я хочу тебя.

– Не один ты, – неосторожно огрызнулась в ответ Элиза.

Медленная улыбка расплзлась по лицу Мариса, прежде чем он согласился с истинностью её слов:

– Абсолютная правда. Поэтому мне следует поторопиться.

Она почувствовала, как горячие руки Мариса скользнули под рубашку и легли на обнажённое тело. Больше он ничего не делал, только рассеянно водил по груди рукой. Но этого оказалось достаточно, чтобы словно удар молнии пронзил тело Лиз. Крупная дрожь сотрясла её, а соски сжались в комочки болезненной твёрдости и невероятной чувствительности. Лиз даже перестала дышать, поражённая этими новыми для нее ощущениями. Она, кажется, застонала или сделала что-нибудь такое же... поощряющее, если секунду спустя Марис Стронберг отшвырнул в сторону плед и навалился на неё всем телом, а в темноте слышались только шорохи срывааемых им с себя штанов.

– Нужно ловить момент, чёрт побери, – вполголоса пробормотал Стронберг.

Лиз вмиг вся окаменела, чувствуя себя так, будто её, высохшую и обогревшуюся, вновь выставили под ледяной дождь.

– Отвали, идиот, – процедила она сквозь зубы, впиваясь ногтями в склонившееся к ней красивое лицо.

Марис негромко вскрикнул, и девушка задрожала, подумав всего на миг, что сейчас он её ударит. Но Марис только смотрел на неё, не произнося ни слова. Лиз решила идти до конца, чтобы было за что нести наказание. Она ударила его по лицу:

– Это тебе за то, что ты – не Андрес. А это, – ещё пощёчина, – за то, что посмел приставать ко мне. И это ещё детские игры. В следующий раз я придумаю, как покончить с тобой. Так что беги из деревни, Стронберг, и не оборачивайся, – скомкав свою одежду и в ярости вырвав из-под Мариса его одеяло, которое она накинула на плечи, Элиза покинула сарай.

Она прошла оставшееся расстояние босиком по мокрой траве, в ночи, кляня себя и бывшего жениха за распущенность последними словами, а холод, пронзающий всё её тело, считая справедливым наказанием за грехи.

После этого происшествия почти неделю Лиз брала на себя самую тяжёлую работу, готовила, присматривала за детьми – а при таких младших сестрицах это было совсем не просто, смиренно выслушивала пощёрки Мелиссы Линтрем, вымолила прощение у Андреса и во всём угождала ему... прося взамен у Господа Бога только одно – чтобы он убрал с её дороги Мариса Стронберга ещё раз и теперь уже навсегда.

Почти неделю всё шло хорошо.

Но бог опять не вступил в предложенную ему сделку.

Глава 9

– Дай мне пройти, Марис Стронберг! – глаза светловолосой девушки, взятой им в плен, метали молнии. – Чёрт тебя побери, мне нужно работать!

– Не сердись, Лиз, – он едва не мурлыкал от удовольствия, – только скажи правильный ответ и тебе не придётся больше работать – никогда в жизни.

– Ха! – девушка высказала откровенное презрение к его столь щедрому предложению. – Не буду работать? Тогда чем же мне заниматься, Стронберг, скажи на милость?

– Ну, – он пытался вспомнить, чем занимались его светские знакомые в другой жизни – до встречи с Лиз. – Ты можешь принимать торговцев...

– Перестань! – Элиза решительно толкала его в грудь, награждая всё более сильными ударами. – Я крестьянка, Стронберг, не королева! Я приучена работать... ра-бо-тать... Да я загнусь в предложенном тобой раю на второй день от безделья!

Пронзающие насквозь глаза Мариса Стронберга сузились и искры в них сверкали подобно алмазам, голос звучал низко, протяжно и хрипло:

– А кто говорил, что у тебя будет время скучать? В медовый месяц я собираюсь заставить тебя трудиться побольше рабов на плантации.

– Что-что, а трудиться я умею, – мрачно подтвердила Лиз. – Вести дом, готовить, стирать, убираться...

– Тебе некогда будет заниматься этим, – прервал её Марис. – Собственно говоря, и на еду отвлекаться я бы не хотел.

Лиз изменилась в лице. Понимание сказанного окрасило её кожу сначала бледностью, а затем ярчайшей краской.

– А, ты всё об этом, – скучающе обронила она.

Глаза её наречённого потемнели, и уже одно это должно было предупредить её о небезопасности дальнейших выходок.

– Такой уж я примитивный, – процедил Стронберг сквозь стиснутые зубы.

– Я не то хотела сказать, – всё так же монотонно продолжила Элиза. – Ты каждый день красуешься передо мной своими мужскими способностями, как будто других талантов у тебя нет. И называешь это ухаживанием, – она печально разглядывала его своими чёрными, экзотически приподнятыми к вискам глазами. – Ухаживание – это приглашение к браку. А твоё – нет, твоё призывает быстренько спариться где-нибудь за сараем и разбежаться.

За свою дерзкую выходку она могла ожидать сокрушительной ярости Стронберга, но никак не его задумчивости. Пальцы Мариса легонько сжали её плечо:

– Я учту твоё замечание и поработаю над стратегией. Спасибо.

Почему-то именно в этот момент Лиз показалось, что она сотворила нечто непоправимое, то, что погубит её совсем скоро. И она поспешила добавить:

– Но вообще-то я не понимаю, что ты нашёл во мне. Лучше тебе отказаться от этой глупой затеи и подыскать себе другую женщину. Есть и умнее меня, и красивее, и прекрасно воспитанные...

– Конечно. Но не могу, – словно бы извиняясь, Марис пожал плечами. – Чем-то ты зацепила меня. Своим недоверием, ненавистью, своим хорошеньким личиком – не знаю. Хотел бы я, чтобы ты оказалась прелестной пустышкой, которой для счастья достаточно бриллиантов, мехов, дома в Париже. Но ты сопротивляешься так яростно... Ты вся – сплошной клубок противоречий. А малышкой была такой покладистой... пока я не научил тебя ненавидеть.

– Я не долго мучилась этим, – опутив глаза, солгала Элиза. – Мне было достаточно, что ты уехал.

– Ты не ждала, не мечтала? – с недоверием переспросил Марис. – Не мечтала, что публично унизишь меня, когда я приеду, а потом милостиво согласишься и войдёшь в мой дом королевой, которой будут завидовать все подружки?

– Это принадлежит тому времени, когда я была рассерженной маленькой девочкой, Стронберг, – она мягко коснулась его рукава, а потом глаза Лиз подёрнулись дымкой мечтательности. – Я перестала вспоминать о тебе, когда полюбила Андреса. Ты больше не был мне нужен для самоутверждения. Если бы ты приехал немного позже, я уже была бы самой счастливой на свете женщиной.

– Или самой несчастной, – цинично хохотнул Марис. – Подумай только, какой поднялся бы шум, когда тебя, замужнюю женщину, обнаружили бы в моей постели.

– В чьей постели? – тупо переспросила Лиз.

– В моей, милая, в моей, – Стронберг покрепче прижал её к себе, – я позаботился бы об этом. Даже если муж смог бы тебе потом простить измену, я не оставил бы тебя в покое и претендовал на отцовство каждого рождённого тобой ребёнка. Какой брак это выдержит, моя кошечка? Ну что, Элизабетта Линтрем, ты всё ещё хочешь выйти замуж за Андреса Ресья?

– Ага, – слабо пробормотала Лиз. – Ты не посмеешь.

Хищный оскал раздвинул губы Мариса:

– Приступим к эксперименту? Моя репутация уже ничего не стоит, и я с удовольствием займусь твоей. Для начала я заберу твою девственность. Во многом по практическим соображениям – я сделаю это, в отличие от Ресья, нежно.

– Откуда тебе знать о том, какой Андрес? Может быть, ты подглядывал, когда он заигрывал с какой-нибудь простушкой на сене? – несмотря на насмешливый тон, при одной мысли о возможности этого чёрная змея ревности грызла сердце Элизы.

У Стронберга хватило совести смутиться:

– М-м, я, наверно, преувеличил...

– Это уж точно, – сухо подтвердила Лиз.

– Но я не останавливаюсь на пути к цели, *ma chere*. Лучше откажи мальчику сразу, не заставляя его страдать.

– Ничего, – губы Лиз растянулись в пародии на улыбку. – Немножко страдания научит его ещё больше ценить то сокровище, которое ему принадлежит.

– Ай-ай, моя сладкая, – Марис привольно оперся о стену спиной, – когда дразнишь хищника вкусным кусочком, смотри, чтобы тебе заодно не откусили пальчики.

– Отвяжись, – Лиз в ярости затопала ногами, возвысила голос, ничего уже не видя, кроме красного тумана, перед собой. – Отвяжись, отвяжись, отвяжись!!!

Её ультразвуковой визг заставил взлетевшую на ограду курицу тяжело свалиться вниз. Самозванный жених среагировал хладнокровно.

– Вот бы ребята из обществ защиты на тебя взъелись за издевательство над животными, – пробормотал он себе под нос.

Не чувствуя в себе больше сил выносить это, Лиз отбежала назад и бросилась, раскинув руки, лицом в сено, надеясь, что он поймёт намёк и исчезнет. Но, когда ему это было нужно, Марис Стронберг умел быть тупее давно не точенного ножа. Он подошёл, постоял сзади.

– Ты не будешь со мной разговаривать?

Лиз отрицательно замычала в ответ.

– А если я буду настаивать? Я умею быть очень настойчивым, знаешь ли, – в следующую секунду он доказал ей это.

Первой мыслью было, что её спина вот-вот сломается под тяжестью его тела; потом весь мир Элизы замкнулся на ощущении давления твёрдой выпуклости на мягкость её ягодиц. Она испугалась. Страх и отвращение были так велики, что она почувствовала горечь в горле. Прошептала:

– Не надо...

Марис начал двигаться, словно желая стереть их обоих в одинаковую массу. Он был тяжёлым, Лиз слышала его затруднённое дыхание над ухом, а руки мужчины, пробравшись под их тела, мяли её груди, оставляя на них болезненные следы. Элиза не представляла, как ей выбраться из этого положения. Но инстинкт подсказал ей – Марис едва не задохнулся от удара крепкого локотка под рёбра. Лиз воспользовалась нечаянной паузой, чтобы выбраться из-под него. Она была в такой ярости, что собиралась убить его. Марис ещё успел увернуться от нескольких ударов деревянной рукояти для вил, которую работники оставили на полу, чтобы потом соединить с железной частью; но стоило ему попытаться встать, как Лиз с особенным удовольствием поставила его на колени ударом именно по той части, которой он пробовал соблазнять ее чуть раньше. Второго удара не потребовалось – Стронберг свалился на пол без чувств. Лиз этого даже не заметила, продолжая добивать уже безразличного к этому человека.

Умом она понимала, что будет наказана стократно за каждый удар, нанесённый ею Марису Стронбергу, но не хотела этого знать. Едва ярость её утихла и сменилась тупой усталостью, она покинула помещение для просушки, даже не кинув последнего взгляда на дело рук своих.

Глава 10

Нога полностью онемела, и наступать на неё было уже не так больно, зато вновь жгла огнём рваная рана между рёбрами – он заработал её уже позже, когда споткнулся, выбираясь из сарая, и зацепил круг для заточки инструментов. В левом плече что-то похрустывало при каждом шаге, а лицо своё он старался не увидеть случайно в какой-нибудь луже. Судя по тому, как слёзы наворачивались на глаза при самом мелком вздохе, и трещина во втором или третьем ребре была ему обеспечена. Но кто же знал, что в этой женщине столько силы!.. Можно считать, что первая серьёзная ссора у них состоялась. Марис засмеялся сквозь слёзы. Он ощущал себя настоящим мужем, не поделившим что-то со сварливой женой.

Последним усилием надавив на дверь, он ввалился внутрь дома и упал на колени, не услышав испуганного вскрика Лаймен, которая в тот же момент собиралась выйти.

– Марис? – Лаймен с сомнением оглядела не контролирующего себя мужчину на полу. И сморщила носик. – Ты, что, пьян? Не рановато ли?

Глухой стон боли, вырвавшийся сквозь стиснутые зубы, заставил её отнестись к сыну внимательнее. Она глянула на его лицо и окаменела.

– Господи Иисусе! Ты подрался? С Ресья? – её лицо покраснело от негодования. – Сколько раз я говорила тебе...

– Мама, – сын неглубоко и часто дышал, – прости... что прерываю, но не могла бы ты... помочь мне... или позови Рея...

Лаймен только вздохнула.

– Лида!!! Посылай скорее за лекарем в лечебницу!

– Нет... – Марис держался из последних сил. – Не надо, я сам. Только помогите мне добраться до постели... я лучше знаю, что чем лечить.

– Да? – Лаймен с сомнением посмотрела на застывшую в ожидании служанку.

– Что ты стоишь, как пенёк, Лида? Позови Раймонда или моего мужа.

Спустя достаточно неприятных десять минут Марис наконец с облегчением растянулся на собственной постели, а Лаймен захлопнула дверь за искрящимся остроумием по такому весёлому поводу Реем. И склонилась над сыном:

– Что мне сделать для тебя, Маак?

С самым большим удовольствием Марис потерял бы сейчас сознание, но человек, значивший для него больше, чем отец, научил его ничего не оставлять на потом. «То, что ты сделал после, ты не сделал», – говорил он.

– Быть моими глазами, мама, – Марис немного напрягся, когда Лаймен стала снимать с него одежду. – Сейчас я не очень хорошо себя вижу.

– Я, – Лаймен явно чувствовала себя героиней военного времени. – Командуй.

– Хорошо. Нога. Правая. Медленно прощупывай кость... Ага, – он дёрнулся и зашипел почти сразу. – Понятно, откуда онемение – растянул связки. На синяки можешь даже не обращать внимания – они не смертельны.

– Ты хочешь сказать, что всё остальное – смертельно? – глаза Лаймен округлились от ужаса. – Марис, здесь сбоку совсем не симпатичная ссадина – даже, скорее, рана.

– Кровь идёт?

– Уже нет.

– Тогда просто антисептиком. Доверить зашивать свои раны я могу только одному человеку и это не местный лекарь.

– Как скажешь, – ужас Лаймен перешёл в новое состояние – хлопотливую растерянность. – Мой мальчик, ты так избит. Скажи мне, кто это сделал, и я уничтожу этого человека.

– Нет, спасибо, я оставлю его себе – на десерт. Чёрт! больно. Как будто я попал в тайфун «Элиза»...

Лаймен поняла эти слова по-своему:

– Я просила тебя не соперничать с Ресья из-за неё. Неужели мы тебе не найдём во всей Швеции красивой жены?

Марис упрямо фыркнул:

– Мне нужна эта. И разговор кончен, мать. С покушением на меня я сам разберусь. А теперь оставь меня зализывать мои раны.

Глава 11

– Лиза, – распахнув дверь, подружка замерла на пороге её комнаты в театральной позе, – случилось кое-что страшное и вообще нехорошее.

– Да? – в тусклых глазах Элизы было умеренное любопытство. – Страшное редко бывает хорошим. И что?

– Лиза, какой ужас, что с тобой? – забыв об избранной роли, Лида бросилась к подруге. – Что ты сделала с собой?

– Ничего, – вяло отозвалась Элиза. – Просто лежу. Ничего что-то не хочется.

– А ты не...? – сделав страшные глаза, Лида многозначительно замолчала.

– Нет. Разве что святым духом. Андрес говорит – сначала поженимся. Мне всё равно.

– Давно ли это тебе стало всё равно то, что касается Андреса?! – Лида шлёпнулась на кровать рядом, снова взглянула на бледное лицо подруги, её свалывшиеся волосы и усталые глаза. – Тогда я зря торопилась рассказать тебе первой.

– Что?

– Два дня назад, – осмотревшись, Лида склонилась ближе к уху подруги и конспиративным шёпотом засипела, – Мариса Стронберга крепко поколотили.

– Правда? Наверное, были причины.

– А это ты у Андреса и спроси.

– При чём здесь Андрес? О, нет... – Лиз приподнялась на постели.

– Вот именно. Лаймен Стронберг трясла и трясла сыночка, пока тот не рассказал, что на него напал в одном из сараев Андрес Ресья. В общем, Андреса схватят, наверное, и продадут в солдаты.

– Лида, – Элиза села посреди постели, – этой свинье сильно досталось?

Та, как зачарованная, смотрела в горящие яростью чёрные глаза подруги. Она как-то сразу поняла, о ком идёт речь.

– Он не встаёт и не выходит из своей комнаты. Я его видела только в тот день, так он даже идти не мог.

– О Господи! – Элиза закрыла лицо руками. – Что я наделала... что я... Лида! Что можно сделать?

– Ты о чём? – не поняла маленькая служанка из дома Стронбергов.

– Что мы можем сделать, чтобы спасти Андреса? Он не виновен, и я готова на всё, чтобы его защитить.

– Ты смелая.

– Ты ради Валя сделала бы то же самое. Не будем терять времени.

– От меня в таком деле пользы немного, Лиз. Я просто не знаю. А почему ты считаешь, что Андрес не виноват? Ты так веришь в него? – подруга смотрела на Лизу Линтрем с уважением.

Но та лишь сухо ей улыбнулась.

– Всё проще: я это сделала с Марисом Стронбергом – и отвечать мне.

Бросив дела, Лиз следующие два дня бродила вокруг господского дома. Ей надо было увидеть Стронберга. Пасть ему в ноги, вымаливая прощение, предлагать себя... На свадьбе с Андресом можно поставить крест. Её вина, не её, а только порченных невест не бывает. Станут вместе с Линетой прятаться от деревенских ребятишек. Вот так и рождаются истории о ведьмах в чаще леса...

Господский дом стоял неприступный и запертый, никто не выходил на балконы, любуясь солнцем, не прогуливался у фонтана под зонтиком. Что происходит? Похоже на траур. Ох

нет, если Стронберг помер, Андресу не будет пощады! В огромную, в два человеческих роста, из благородного дерева дверь Элиза не решилась постучаться. Только представила себе, как величественный эконо открывает её, смотрит с презрением на букашку и цедит:

– Пошла вон, холопка.

Ужас какой! Слуги при виде её спешили скрыться, ни один не задержался на умоляющий взгляд. Ей так надо было узнать, что происходит! Лиза решилась на преступление. Ночью она заберётся в господский дом и подслушает разговоры.

Чёрную юбку матери пришлось быстро перекроить на штаны, остатки ткани пошли на рубашку без рукавов. Последним куском Лиз укрыла светлые волосы на манер платка, с собой захватила верёвку, пригодится, чтобы залезть на балкон.

Она тронулась в путь, как только зашло солнце, в лесу переждала возвращения слуг из поместья в деревню и ступила на запретную территорию. Собаки Эмиля Стронберга, которых она два дня до этого подкармливала по вечерам, встретили её, как родную. Они тёрлись о её ноги, отгаливая друг друга, обнюхивали Элизу и носами тыкались в её одежду в поисках карманов с едой. А получив желанные кусочки, спокойно разошлись по двору – охранять от чужих поместье. Лиз опасности для них не представляла. Вечерняя переключка господских собак с деревенскими, наоборот, заглушила шум от штурма Элизой второго этажа. По карнизу шириной в пятнадцать сантиметров она, стараясь не смотреть вниз, добралась до окна покоев Стронберга и начала обдумывать стратегию проникновения внутрь как раз в тот момент, когда чьи-то невидимые руки очень услужливо распахнули окно ей навстречу. Терять Лиз было нечего, а увидеть, как прислуга падает от её неожиданного появления в обморок, было бы, наоборот, забавно. Лиз поставила правую ногу на подоконник.

– Я ждал тебя, – улыбаясь одними глазами, Марис подал ей руку. – Здравствуй, любовь моя.

– Не могу пожелать тебе того же, – буркнула Лиз в ответ, не отказываясь, впрочем, от помощи.

Опершись задом о подоконник, она лениво сложила руки на груди, продолжая следить за Марисом острым взглядом.

– Почему ты никому ничего не сказал? Отчего не велел притащить меня на судилище?

– Какое судилище, моя милая? – Стронберг лишь фыркнул. – Ну, вышла девушка из себя, эка невидаль. Не убила же.

– Я старалась, – рывком Лиз освободилась от своей опоры, прошла по комнате, трогая привлекающие её предметы.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила словно бы невзначай.

Марис по-прежнему улыбался:

– Спасибо, хорошо.

– Жаль, – Лиз обернулась, стремясь поразить его своим гневом на месте. – Клянусь, я готова была убить тебя тогда, Стронберг!..

– Я почувствовал это на своей шкуре, – губы Мариса оставались расслабленными, но глаза закрылись на миг и открылись уже блестящими холодом. – И тем не менее ты пришла ко мне.

Лиз отмахнулась от его слов:

– Ты знаешь, зачем я пришла – просить не снисхождения, а справедливости. Андрес ни в чём не виноват.

– Я хочу, чтобы он уехал, – чётко проговорил Марис. – Или ты – но со мной.

Лиз не поверила своим ушам.

– Уехал? Он или я? А что, если мы поедем все трое, – едко предложила она. – Как чудесно путешествовать в компании!

– В компании двух мужей? – своим уточнением Марис в момент вызвал в ней страх. – Ты могла бы путешествовать с двумя мужчинами, не зная, в постели которого ты окажешься в эту ночь? Если тебя устраивает групповой брак, я не имею ничего против.

– Дурак, – Элиза прижала ладонь к панически заходящемуся сердцу. Он нарисовал перед ней совсем не сладкую картинку. Они оба это понимали. Но Лиз все-таки уточнила. – Ты дурак. А Андрес – замечательный. И попробуй разубеди меня в этом, не хвастаясь... не пользуясь своими пещерными методами.

– Едва ли у меня это получится, – сквозь зубы процедил Стронберг. – Я имею в виду «пещерные методы». Я даже не уверен, что вообще способен на что-то такое после твоего замечательного удара. В том числе и иметь детей.

Лиз почувствовала лёгкие угрызения совести.

– Ты пытался меня изнасиловать, – напомнила она.

– Больше не буду, – сухо отрезал Марис.

– Ну ладно, чего ты хочешь?! – гневным шёпотом взорвалась Лиз. – Чтобы я помогла тебе доказать, что как мужчина ты ещё что-то можешь? Ну так давай приступим, чего зря терять время! – она начала срывать с себя одежду.

Марис остановил её руки.

– Не так быстро. Вся эта ночь моя. И я растяну её до невероятных пределов.

– Звучит как угроза, – Лиз в замешательстве нахмурилась. Нерешительно коснулась его плеча. – Ты... тебе действительно было больно тогда, Марис?

– Не то слово. Ты знала, куда ударить мужчину. Какой из твоих любовников научил тебя этому?

– Никакой. Никто, кроме тебя, не вызывает во мне такого стремления к разрушению. Ты это знаешь, и тебе нравится.

– Да, нравится, – подтвердил Марис. – Со мной ты живёшь как нормальная женщина, а с Ресья вынуждена притворяться. Мне нравится, когда ты честна с собой, *mon angel*. Кричи, танцуй, пой, занимайся любовью – делай, что хочешь. Я всё равно буду любить тебя. И никому не будет позволено судить мою жену. Я дам тебе свободу, гарантированное прощение и денег – три вещи, которые ты никогда не будешь иметь с Ресья.

Лиз немного подумала, в глазах её, чёрных, как ночь, мелькали отблески тайных желаний. Но голос был спокоен:

– Свобода и безнаказанность развращают любую женщину, даже монашку. А что, если я захочу потратить твоё состояние на красивых молодых любовников?

– Я убью тебя, – Марис нежно ей улыбался.

Лиз беззаботно фыркнула, пожимая плечами:

– Видишь, не такой уж ты великодушный, как говоришь.

– Ну, с Ресья у тебя не будет и этого.

– А может, рядом с Андресом у меня не будет даже желания сходить с ума, – резонно возразила Элиза.

– Будет, – уверенно заявил Стронберг. – Ты слишком молода, чтобы желать покоя. В тебе кровь так и бурлит, моя малышка. И я с удовольствием буду помогать тебе выплёскивать эту энергию.

Девушка сурово глянула на него:

– Я говорю не о постели.

– И я, – с ослепительной белозубой улыбкой подтвердил Марис. – По правде говоря, один разговор с тобой заводит меня больше хорошего секса с другой женщиной.

Элиза поморщилась:

– Я никогда не пойму, чего все вокруг так носятся с этой постелью. Чего приятного в этом: сунул, вынул – ребёнок готов?

Марис искушающим движением эдемского змея обвил её плечи рукой.

– А твоей матери вроде бы нравилось, – доверительно прошептал он. – Сколько вас в семье – десять?

– Восемь, – мрачно поправила Элиза. – И как по-твоему, мою мать до сих пор можно считать идеалом женской красоты?

Марис открыл было рот, чтобы уверить её в этом, но потом вспомнил увядшее тело Мелиссы. Все свои соки эта женщина самоотверженно отдала детям, но едва ли её отвисшие груди и живот разбудили бы вожделение в каком-то мужчине. Нет, он не хотел бы видеть Элизу в старости такой.

– Разве что символом плодородия? – после длительной паузы неуверенно предположил он.

Лиз откинула голову назад и хрипло захохотала; а Марис, словно замороженный, смотрел на жемчужные волосы, рассыпавшиеся по грубой ткани одежды.

– Ты прекрасна, – вырвалось у него; не давая Лиз времени ответить на это каким-нибудь саркастическим замечанием, он захватил в кулак на затылке её роскошные волосы и прижался к её губам. Он нежно покусывал их, пока они не раскрылись, и ворвался завоевателем в её сладкий рот.

Девушка гневно дёргалась, возмущённо мычала, пытаясь высвободить руки, которые он предусмотрительно прижал к подоконнику её собственным телом.

– Сука, – нежно пробормотал Марис, всё ещё почти касаясь её губ. Лиз с трудом сдерживала желание языком проверить, какой ущерб нанесло им это чудовище. – Ты холодна, как труп, для тебя в мире нет ничего, кроме твоего чёртова самолюбия. Но, клянусь, больше врасплох ты меня не поймает. Я знаю теперь, на что ты способна, но ты и не догадываешься, на что способен я...

Крепко сжимая руками её кисти и повернувшись так, чтобы не стать вновь жертвой её коленей, Стронберг неумолимо подталкивал её к постели, пока, наконец, Лиз не коснулась мягкого покрывала спиной. Одним рывком Марис подтянул её повыше.

– Не двигаться! – повелительно рявкнул он; однако Лиз и не чувствовала себя на это способной, настолько невероятное зрелище предстало её глазам.

Склонившись к задвинутой за шкаф большой сумке, Марис одну за другой достал несколько коробочек, в каждой из которых не поместилась бы и коричная булочка, какими славилась во всём лене её мать.

– Что там? – прошептала она, от любопытства едва дыша.

Марис не обернулся.

– Увидишь.

И она увидела. Из-под его рук из коробочек выползли невероятных расцветок шёлковые платки, и всё это происходило настолько быстро, что она не смогла бы сказать, где заканчивался один платок и где начинался другой. Когда пол у его ног был усеян слоем тончайшего шёлка, Марис решил, что достаточно.

– Больше всего мне нравятся беззащитные женщины, – доверительно сообщил он, связывая вместе руки Элизы и закрепляя получившийся узел на одном из колышков в изголовье кровати.

Не встречавшаяся даже в книгах ни с чем подобным, Лиз только смотрела на него изумлёнными глазами.

– А что будет дальше, чёрт подери? – мелодично разнесся по комнате её нежный голос.

– Будем играть, – Марис сияюще ей улыбнулся.

– И только? – девушка облегчённо перевела дух. И тут же насторожённо уточнила. – Во что?

Марио сделал вид, что задумался:

– В инквизицию? – предложил он. – Нет, это потом, когда определим, какие извращения мы предпочитаем. Лучше... да, в «Наложницу и султана».

Лиз скривилась:

– Лучше бы наоборот.

Опираясь на кровать коленями, Марис старательно освобождал из заплетённых туго косичек её светлые волосы.

– Потом, – терпеливо повторил он. – Для того, чтобы быть султаншей – хотя бы временно, прежде тебе следует осознать свою эротическую власть над мужчиной – как абстрактным понятием – и надо мной. И в этом познании твоим проводником буду я. Я научу тебя, как можно причинять боль и как творить наслаждение, близкое к боли, что можно сделать при помощи перьев или капель вина, и покажу грань соединения мужского и женского начала. Расскажу о женщинах, подчинивших себе весь мир... – его шёпот замер, растворившись в красоте звёздной ночи. Лиз заворожённо смотрела на своего бывшего жениха. Как жаль, право же, что она не может в него влюбиться! Этот мужчина будил странные потаённые чувства в ней, упрятанные столь глубоко, что Лиз даже не подозревала об их существовании в себе. Андрес... Господи, сделай так, чтобы он не догадался, что она – всего один миг – хотела испытать что-то иное!

– Забудь, – прошипела тень с яростно сверкающими глазами, – забудь его.

– Не могу! – в ужасе, что едва не изменила своему избраннику, Лиз попыталась освободиться. Беспорядочные рывки привели только к тому, что узлы затянулись ещё крепче.

– Не позволю, – Стронберг прижал её всем телом к кровати. – Этой ночью ты от меня не уйдёшь. Я поделюсь с тобой своим опытом, Лиз Линтрем, и заберу взамен долю твоей невинности. Я забыл, что это такое... – его руки скользнули под рубашку, чтобы легчайшими касаниями пальцев изучить её грудь.

Выгибаясь всем телом, Лиз сдалась ещё до того, как жаркий рот Мариса завладел одним из её сосков. А у него не потребовалось на это много времени. Больше сил уходило на то, чтобы удерживать бьющуюся в возбуждении девушку. Она запылала под его ртом и руками так быстро, что могла сгореть раньше времени. Следовало сбавить темп. Оставив припухшую грудь в покое, Марис просто припал щекой к шелковистости её втянувшегося животика.

– Спокойнее, спокойнее, *ma petite*, – шёпотом уговаривал он.

Но Лиз продолжала цепляться за него обеими руками. Чтобы утихомирить её, Марис прибег к жестокости, отрезвляющей разум: подтянувшись немного вверх на руках, он посмотрел на неё с неподдельным мужским удовлетворением.

– Ты даже не знаешь, что такое поцелуй, подлинный поцелуй, моя самочка, и собиралась прожить с этим незнанием жизнь. С такой абсолютной девственностью я ещё не встречался...

Элиза почувствовала, как щёки её начинают пылать от стыда. Господи, она предлагала себя ему ничуть не сдержаннее дешёвой шлюхи!

– Забудь, – пробормотала девушка, отводя глаза. – Со мной что-то случилось...

– И я даже знаю что, – ладонь Мариса неторопливо накрыла обнажённую беззащитную грудь. – Всё идёт замечательно, просто ты слишком торопишься. Познание друг друга не терпит суеты, его следует смаковать, словно хорошее вино, а не проглатывать сразу. Мы не станем спешить, Лиз Линтрем.

– Я не хочу этого, – неуверенно заявила Лиз.

– Отлично, я тоже, – завораживающе рокотал голос Мариса, – я тоже призываю не торопиться. Узнай меня, моя будущая жена, моя возлюбленная...

Элиза вздохнула:

– Ты так скоро забыл, что случилось два дня назад?

Марис был само всепрощение:

– Это была моя вина. Я поторопился и прибег к грубости. К непростительной грубости, – подчеркнул он.

– Действительно, – Элиза оживилась. – Так, может быть, я обижусь, и мы расстанемся навсегда?

– Только никчемный дипломат оставляет врагов на своём пути, – опираясь коленями на постель, Марис ей улыбнулся. – Хороший вернётся и загладит нанесённые обиды.

Лиз беззвучно застонала, изобразив соответствующее выражение лица. Марис негромко и сочно хмыкнул:

– Трусиха, – упрекнул он её. – Где же в тебе знаменитая авантюрная жилка твоей сестры? «Испытать всё» – вот девиз Линеты Линтрем.

– Вы с ней составили бы хорошую парочку, – гневно произнесла Лиз. Ей совершенно не понравилось испытанное при этом – на крошечную долю секунды – странное собственническое чувство по отношению к Марису Стронбергу. Она ведь никогда не была «собакой на сене».

– Я знал таких женщин, – Марис чуть криво улыбался, – и устал от них. Куда стремиться, когда достигнута цель? Такую любовницу ничем не шокируешь и не удивишь, а предсказуемая женщина не интересна.

– Значит, тебя потянуло на молодую дичь, Стронберг, – тон Лиз не предвещал ничего хорошего.

– Да, – легко согласился Марис. – И, будь уверена, я превращу её в изысканнейшее гастрономическое блюдо.

Лиз вскрикнула, почувствовав руки мужчины между своих бёдер и под собой. Он крепко сжимал её ягодицы, гладил пальцами расщелину между ними – жар его рук прожигал её штаны насквозь.

– Ты хотела знать, насколько может быть больно человеческому существу, моё сокровище? Я обеспечу тебе это знание, – несколькими взмахами короткого кривого ножа он распорол рубашку и штаны прямо на извивающемся женском теле пополам.

– Тебе это больше не понадобится. Если повезёт и нас застанут здесь вместе, завтра с утра ты сразу оденешься в подвенечное платье, – рывком Марис стащил с неё всю нижнюю часть одежды.

Элиза открыла рот, чтобы закричать, но эти слова «если повезёт» всплыли в её памяти совсем некстати. С лёгким звуком её зубы сомкнулись намертво – она будет молчать, пока хватит сил. А их должно хватить, чтобы не опозорить Андреса. В конце концов, она сама вляпалась в это дерьмо – сама и должна выбираться.

Первое прикосновение едва не застало её врасплох. Рукоять плети, инкрустированная каким-то металлом, холодила чувствительную кожу между ног, вызывая противную дрожь во всём теле.

– Ну, кричи! – резко приказал Марис.

Лиз яростно блеснула глазами:

– С чего это? Ты же не кричал, когда я расправлялась с тобой.

– Мне это не было нужно.

– А мне не нужно сейчас. И если это всё, на что ты способен... – не договорив, она со всхлипыванием втянула в себя воздух – боль от удара была ошеломляющей и неправдоподобной. Инстинктивно её колени попытались сомкнуться – но ласковые шёлковые путы не позволили сделать это. Новый удар был ещё сильнее.

– Сдавайся, признай своё поражение, цыплёнок. Тебе не справиться со мной. Ты не можешь убить человека, даже ненавидя, а я делал это не раз. Я знаком с сотнями разновидностей пыток и умею причинять боль, – методично, с равными промежутками кончик плети жалил внутреннюю сторону бёдер, ягодицы, промежность. Лиз молилась о спасительном обмороке, но темнота не торопилась спрятать её от боли.

– Не надо, умоляю, не надо, – всхлипывала она.

– Боль – странная вещь, – тем временем философствовал Марис. – Она сопровождает нас всю жизнь, но мало кто умеет обратить её на пользу, укротить её. Боль делает человека уязвимым, – отшвырнув плеть, он поднял вверх руки, чтобы снять с себя через голову рубашку.

Стон замер в горле Элизы, когда она увидела, что скрывается вместо прежнего безупречного тела Стронберга под этой одеждой.

– Это сделала я? – прошептала она недоверчиво, стараясь не видеть особенно глубокую длинную рану, окружённую кровоподтёками. И обречённо расслабилась. – Ты прав, я заслужила своё наказание. Я не знала... ты двигаешься так легко...

– Я не чувствую боли, – Марис снисходительно ей улыбнулся. – Первое, чему научил меня *wahīd gadīm 'insān* – это договариваться со своей болью и побеждать её.

– Кто научил? – Лиз вздрогнула. – Я не поняла...

– Один старый и мудрый человек, – с отсутствующим взглядом пояснил Марис. – Великий человек, который озарил светом своей мудрости часть моей жизни. И он же меня научил, как укротить строптивую женщину – лаской и твёрдостью, подарками и плетью.

– А он знал, о чём говорил, не только в теории? – Лиз вызывающе улыбнулась.

Марис, казалось, удивился:

– Конечно. Все его жёны до сих пор без ума от него.

– Все? – переспросила Лиз, и получила в ответ подтверждение.

– Да, все трое.

– Мне нелегко будет справиться с уроками такого специалиста, – сжав зубы, проговорила Лиз. Между ног кожа пылала огнём. – Но когда есть высшая цель... Я не позволю себе ничего, что может обернуться позором для Андреса. Если бы ты был моим женихом, я поступала бы точно так же.

– Я и есть твой жених, Лиз, – резко, с яростью возразил Марис. – Я первым был обручен с тобой. Ты нарушаешь договор, заключённый между нашими семьями.

– Нет...

– Да. И если уже ничего нельзя изменить, я постараюсь, по крайней мере, предельно усложнить стоящую перед тобой работу.

– А? – Элиза тревожно вскинулась, почувствовав холод металла на своих бёдрах и между ног. Она смотрела, не веря своим глазам, как плотно охватывает её тело отлитый мелкими кольцами из чистого золота средневековый «пояс верности», как, соединив две цепочки ниже живота, Марис Стронберг защёлкивает всё это хитрое сооружение на миниатюрный замочек и прячет ключ от него в коробку из-под платков.

– Боже милосердный, что это? – шёпотом спросила она.

Марис самодовольно ухмыльнулся:

– Попробуй-ка, справишься с этим, моя бесстрашная валькирия Элизабетта. И тогда мы узнаем, что ты предпочтёшь – придти накануне свадьбы ко мне, чтобы я освободил тебя от твоей «клятвы верности», или показаться в таком виде мужу и неизбежно ответить на кое-какие вопросы. Например, как гнусному Стронбергу удалось надеть на тебя это?

Подумав о стоящем перед нею выборе, Лиз испытала абсолютно оправданный приступ ужаса – действительно, что же ей делать?

– Я могу распилить это... – неуверенно предположила она.

– Золото высочайшей пробы? – презрительно фыркнул Марис. – Интересно, чем?

– А ещё я могу убежать, Стронберг. Скрыться. От тебя и от Андреса. Хотя я никогда тебе этого не прошу.

– А дальше? – с иронией поинтересовался Марис.

Лиз пожала плечами:

– Придумаю что-нибудь. Или встречу того, кто сможет принять и полюбить меня даже с этим.

– Я найду тебя, – безо всякого выражения проговорил Марис. – Ты всё равно будешь спать в моей постели. И научишься любить меня – со временем. Ты моя – и я не дам тебе вырваться, Элизабетта.

– Ты ещё меня не подчинил своей воле, – с трудом управляя онемевшими губами, Лиз вызывающе улыбнулась. – Тебе не по силам сделать так, чтобы я без всякого принуждения произнесла слова любви.

– Ты скажешь их, – в беспощадной борьбе Марис скрестился с ней взглядом.

Лиз лишь ухмыльнулась в ответ:

– Ты можешь сломать меня, не спорю. Побить или унижить – тоже. А любовь – это не из твоего арсенала.

Пока Стронберг осмысливал это весьма смелое заявление, Лиз соскочила с кровати – в первый раз великолепная реакция Марису изменила. Девушка выхватила из коробочки крохотный ключик и стащила с себя «пояс верности» прежде, чем Марис смог вымолвить хотя бы слово. Она помахала спаянными цепочками перед его лицом.

– Отдать тебе эту гадость или оставить себе? – сделала вид, что размышляет вслух.

– Оставь, – Марис небрежно развалился на кровати, и только потемневшее лицо выдавало владеющий им гнев. – Побалуешь как-нибудь мужа.

– Да, но Андрес может заинтересоваться, где я это взяла, – она притворно застенчиво взглянула из-под ресниц на Мариса. – А нам подобные осложнения совсем не нужны, правда ведь?

Она со смехом ускользнула от его протянутой руки и улыбнулась ещё прелестнее, когда Стронберг яростно зарычал.

– Всё-всё, мой красавчик, уйду! – Лиз в мгновение ока завернулась в лежащий на кресле плед. – Это окупит мою испорченную одежду, – она вспорхнула на подоконник, и, когда обернулась, готовая уже спрыгнуть вниз, лицо её было искажено неподдельной яростью. – Только посмей ещё раз приблизиться ко мне, ублюдок, кастрирую, – нежным, невинным голоском хорошо воспитанной барышни заверила Лиз своего недавнего противника. Потом с сомнением посмотрела вниз, попыталась нащупать босой ногой скользкий от неизвестно откуда взявшегося дождика узкий карниз.

– Прошу тебя, не глупи, – устало проговорил Марис с постели. – Ты сорвёшься, и некому будет выполнить эту ужасную угрозу в отношении меня.

Он не спеша встал, чтобы зажечь позади себя свечи, и, не одеваясь, подошёл к раскрытому окну, протянул к Лиз руки.

– Что ты делаешь? – яростно зашипела спасаемая, впрочем, тут же вцепившись в него в поисках опоры. Темнота подчёркивала их практически обнажённые тела на фоне искусственного света.

– Пытаюсь испортить твою репутацию, дорогая, – весело ухмыльнулся Марис. – Это не слишком трудно, ведь от девушки из семьи Линтрем ждут, как правило, распутства. И если ты здесь погибнешь совсем голая, у людей будет возможность скорбно качать головой и, поджав губы, утверждать, что они, в общем-то, этого ожидали.

– Будь ты проклят! – зашипела Элиза. – Вместе с Линетой и своим братцем, которые создали нашей семье такую репутацию... И что мне прикажешь теперь делать?

– Держись за меня, – предложил Марис, прежде чем одним махом перенести ее назад в комнату. И закрыл окно.

– Я выведу тебя утром, – сухо проговорил он, отворачиваясь, пока Лиз переодевалась в его халат, – так, что никто не увидит. А своим ты сможешь сказать, что заблудилась в лесу или заночевала у подруги. Если хочешь, я даже организую экспедицию по твоему спасению, – предложил он. – Но всё же я должен спросить ещё раз, – Марис сдержанно осмотрел маленькую

женщину, утонувшую в синем бархате, и волочащиеся за ней полы халата. – Может быть, ты захочешь не возвращаться в деревню? Тогда я увезу тебя в другой мир.

– Нет, – твёрдо проговорила Элиза, пытаясь справиться с растрепавшимися волосами.

– Ты уверена?

– Уверена, – неожиданно девушка криво усмехнулась. – Меня так и так ждёт скандал, тогда почему я должна позволить ему состояться без моего участия?

– Чудесно, – Марис кивнул ей одобрительно, но безо всякой улыбки. – И это заставляет меня лишней раз повторить, что я люблю тебя, Элизабетта. И с удовольствием поучаствую в этом скандале вместе с тобой. Но должен предупредить – мои возможности этим отнюдь не исчерпаны. Я буду и дальше бороться за тебя. А теперь ложись, у нас есть немного времени, чтобы поспать.

– Спать с тобой? – Лиз уставилась на него, как на ненормального. – Да ты с ума сошёл!

– Ничуть, – Марис спокойно прошёл к кровати, откинул покрывало и лёг. – Можешь вздремнуть на полу, если захочешь.

Он, казалось, почти сразу уснул. А Лиз ещё долго стояла у окна, в растерянности глядя на неподвижную фигуру в постели и нервно то заплетая, то расплетая вновь длинные светлые волосы. Стояла, всё чаще сравнивая удобства пола, хотя и покрытого небольшим ковром, и мягкой тёплой постели, пока не сообразила, что продолжающий гореть свет даёт любому в деревне возможность разглядывать её и узнать по фигуре – дом-то стоял на холме. Вполне возможно, что там уже готовят для нее смолу и перья. Или мелкие, но чрезвычайно остро жалящие камешки, какими забросали однажды деревенские женщины Линету, и тоненькие шрамы на лице навсегда заклеямили её как шлюху Раймонда Стронберга. В тот день семнадцатилетняя Линета потеряла ребёнка Раймонда, а спустя неделю, когда её несчастная сестра всё ещё лежала в постели, переживая случившееся с ней, её любовник привёл в свой дом молодую жену – Аделаиду Стронберг. Мелисса долго боялась, что дочь не вынесет такого позора и горя, попытается покончить с собой, но потом поняла – Линета избрала другой путь. Она слишком любила Раймонда – распутного, несдержанного и безвольного повесу, чтобы уйти от него. Линета стала Рею Стронбергу второй, тайной супругой и, когда, поскандалив в очередной раз с женой, он искал утешения, с радостью принимала его в свои объятия. Жизнь Рея Стронберга была сладка, будто сахарное облако, а что до детей, отсутствием которых его время от времени начинала попрекать Лаймен, то он их и не хотел. Наблюдая за мучениями сестры, когда у той один за другим случились три выкидыша, Элиза ловила себя на мысли, что почти ненавидит этого парня с ледяной рыбьей кровью, который так равнодушно произносил одни и те же ничего не значащие слова утешения. А влюблённая, глупая Линета жадно ловила и выпитывала их, обещая, что следующее дитя обязательно будет жить. Элиза и не пыталась ей ничего объяснить, зная, что Линета просто не сможет существовать без своей веры в исключительность и благородство Рея Стронберга...

– О чём ты думаешь? – донёсся до неё голос.

Лиз вздрогнула, поморгала и обнаружила, что Марис давно уже не притворяется спящим, а с интересом разглядывает её лицо.

– О сестре, – недовольно проворчала она. – О моей сестре и о твоём брате. И о том, почему именно женщина всегда оказывается в дураках. Линета больше себя самой любит Раймонда, а что она получает в ответ? Вот-вот, – кивнула она на выразительный жест Мариса.

– Я знаю, что Рей – свинья, – неторопливо, глубоким голосом заговорил Марис. – Он избалован женской любовью, считает, что всё так и должно быть. Если ты дашь повод, я с удовольствием набью ему морду.

– Как это – повод? – не поняла Лиз.

– Ну, скажи, что он приставал к тебе, пока меня не было...

Лиз коротко хохотнула:

– А как же! Рей Стронберг – и пропустит хоть одну юбку мимо себя? Только ему что-то быстро расхотелось, – наклоняясь вперёд, доверительно прошептала она. – И вот беда – теперь мой хозяин обходит меня за полдеревни.

Младший из Стронбергов сочно хмыкнул:

– Верю. Твой удар мужчина просто не имеет права быстро забыть.

– Ты мне льстишь, – теряя интерес к разговору, Лиз огляделась вокруг себя, ища местечко поуютней.

– Ну, сколько можно, детка моя, иди ко мне! – Марис откинул покрывало и приглашающим жестом похлопал по постели рядом с собой. – Если ты опасаясь, что я нападу на тебя и вмиг отниму твою невинность...

Лиз густо покраснела.

– Ничего я не опасуюсь! – выпалила она прежде, чем поняла, что сама себя загнала в ловушку.

А Марис не упустил полученной возможности.

– Чудесно, – одобрил он. – Ну так иди сюда скорее.

Лиз промычала что-то неразборчивое, затравленно огляделась по сторонам, но выбора у неё особого не было. Да и чего страшного в том, что она проведёт остаток ночи в безопасности на мягкой постели? Она, конечно, знала, что главная опасность – в ней самой, опасность в том, что она может снова увидеть вместо Мариса Стронберга, гнусного врага, его же – но в роли обычного человека. Весьма привлекательного мужчины, может быть, даже посимпатичнее Андреса. Мысленно ужаснувшись своей измене, Элиза молча прошла к постели и легла на неё, стараясь даже кончиком пальца не дотронуться случайно до Мариса. А тот вовсе не помогал ей в её нелегкой задаче и, как только Лиз напряжённо, будто застыв, вытянулась на своей стороне кровати, приподнялся над ней, бережно укрыл её покрывалом и резким собственническим движением притянул к себе, впечатав мягкие женские изгибы в твёрдые очертания своего тела.

– Ты обещал! – чуть слышно возмутилась Лиз. – Обещал не распускать руки...

– Нет, – Марис неторопливо прошёлся губами по её шее и продолжил лишь после этого. – Ты просто не дала мне закончить фразу. А хотел я сказать следующее: если ты опасаясь, что я стану покушаться на твою невинность... то тебе есть чего опасаться!

Лиз только судорожно вздохнула, когда обнажённое мужское тело весом, наверное, с целый дом, вдавило её в кровать. Горячие губы, нежно пощипывая, пробежались вниз по груди... и внезапно остановились. Марис приподнял голову:

– Лиз, я не хочу, чтобы всё было так – тайком, украдкой. Это неправильно. Хочу, чтобы ты стала моей после свадьбы, чтобы женщины провожали тебя в спальню, а ты краснела от их намёков, хочу, чтобы все мужчины знали, что ты принадлежишь мне! – с яростью, направленной не на неё, закончил Марис.

– Тогда слезь с меня, – весьма прозаично посоветовала Элиза. – Если, конечно, тебе не трудно.

– Трудно, – проворчал Марис, садясь на кровати и взъерошивая пальцами свои волосы, – но я постараюсь. Всё равно все дороги отныне будут вести тебя к моей цели, – загадочно проговорил он.

Лиз не успела поинтересоваться, что он имеет в виду. Дверь спальни неожиданно открылась.

– Марис, ну наконец-то все легли спать. Мне нужно поговорить... – Лаймен вытаращила глаза, увидев почти голую девушку в постели сына, и машинально закончила слабым голосом, – с тобой... Марис!!

– Сейчас, мама, – сын неторопливо натягивал штаны.

Похолодев от ужаса, Лиз спряталась под одеяло. А Марис вёл себя всё так же немного расслабленно и спокойно.

– По правде говоря, ты выбрала не лучшее время, мама. Ты уверена, что разговор со мной нельзя перенести на утро?

Лаймен судорожно вздохнула, хватая ртом воздух, а рукой держась за сердце.

– Я сейчас упаду в обморок, Марис, – на удивление хладнокровным тоном предупредила она. – Пока я буду лежать без чувств, изволь вывести... это создание прочь из дома и дай ей денег, чтобы не возвращалась никогда. А потом мы поговорим с тобой.

– Я уже взрослый мальчик, мама, – лениво растягивая слова, напомнил ей Марис. – Может быть, я и нетерпелив слегка, но я уложил в постель свою невесту, а не чужую жену.

Лиз протестующе запищала под одеялом.

– Что ты говоришь, дорогая? – Марис прислушался. – А, пока ещё... Да, ты права, я тебя компрометирую. А теперь, пожалуй, позову-ка я Рея и Аделаиду, чтобы окончательно закрепить свою победу. Тогда уж ты от свадьбы не отвертисься...

Голос его постепенно затих в коридоре. Лаймен, позабыв про недавнее намерение лишиться чувств, твёрдыми шагами прошла к постели, откинула одеяло и выразительно указала Лиз на окно. Глаза её, холодные и безжалостные, как обсидиан, не мигая смотрели в лицо девушки. Лиз задрожала от мертвенного спокойствия этого взгляда. Опустив голову, она кивнула, подбежала к окну и через минуту уже спускалась по маленькой лестнице. Она не заметила ни скользкости перекладин, ни мокрой земли и камней, впивающихся в её босые ноги, ни собак, бросившихся к ней со всех сторон, ни даже забора – холодные глаза Лаймен Стронберг не отпускали её, следили на протяжении всего пути до леса. Лиз спряталась среди деревьев, боясь вернуться и страшась идти домой. Почти полумёртвую от голода и страха, Георг нашёл её там два дня спустя.

А ещё через неделю Лаймен прислала за ней слугу. Мать Мариса была готова к решающему разговору.

Глава 12

Она сидела на изящном диванчике у окна, вся облитая солнечным светом, играющим изумрудной материей её шёлкового платья. Красиво уложенные волосы, скромно лежащие на коленях тонкие руки, не знавшие никакой работы, милое приветливое лицо без единой морщинки на ровной, матово блестящей коже. И дикая, непримиримая ненависть в кротких пустых глазах Аде, пристроившейся с вышиванием у ног свекрови; в отличие от невестки, Лаймен Стронберг не позволяла себе роскошь показывать открыто своих чувств – кто знает, как может повернуться колесо Судьбы?

Остановившись у порога, Элиза поклонилась госпоже, делая вид, что не замечает протянутую для поцелуя руку. Лаймен лишь тонко улыбнулась, плавно продлила это движение, чтобы поправить причёску. Вспылила Аде:

– Эй ты, девчонка, думаешь, если спишь с Марисом, ты нам ровня?! Быстро поцелуй руку маменьке!

– Аделаида, – в мягком голосе безошибочно угадывался упрёк, – следи за своими манерами. А ты, Элиза Линтрем, будь моей гостьей. Проходи.

Пытаясь скрыть своё замешательство, Лиз надменно выпятила вперёд подбородок и шагнула в гостиную, едва не споткнувшись о ковёр. Аде тоненько захихикала, но, наткнувшись на взгляд Лаймен, сочла за лучшее промолчать.

– Садись, Элиза Линтрем, – едва уловимым жестом тонкой руки, затянутой в белую кружевную перчатку, мать Мариса указала ей на стул.

– Хорошо, – продолжила она, – что мужчин нет дома и никто не помешает нам поговорить. Итак, Элиза, сын сказал мне, что твёрдо решил на тебе жениться. Он уехал в Стокгольм после... девять дней назад и предложил сделать оглашение сразу, как только он вернётся.

Лиз в ужасе охнула и закрыла лицо руками.

– Господи, только не это! – убрав ладони, она умоляюще посмотрела на Лаймен. – Моя госпожа, пожалуйста, отговорите его! Вы же можете...

Аде вновь злоредно хихикнула:

– А девчонка-то хочет чего-то большего, чем просто Марис!

Лаймен Стронберг помолчала.

– Видит Бог, я не хотела в это вмешиваться. У Мариса было столько возможностей поступить разумно! Но он не воспользовался ими. Он ничего не хотел, кроме тебя, Элиза. А этого я допустить не могу... Ты понимаешь, что я ничего не имею лично против тебя, но твоё происхождение... Тебе не стоит даже пытаться стать Стронберг.

– Я и не хочу! – почти закричала Элиза.

Лаймен поморщилась от громкого звука.

– Я слышу, моя дорогая, и это прекрасно. Я никому не хочу разбивать сердце своими действиями, но я должна поступать так, как будет лучше для всех Стронбергов. Марис сказал, что проблемы с потомством пока не возникнет, поскольку он... не дал для этого повода. И не даст теперь уже никогда. Он просто тебя не найдёт, Элиза Линтрем. Ты уедешь отсюда прежде, чем сможешь кому-нибудь сообщить о своём новом месте жительства.

Свои хитроумные планы Лаймен Стронберг излагала с застывшей любезной улыбкой на устах, будто бы обсуждая погоду.

– Уеду, госпожа? – Лиз всё ещё не понимала. – Как это? Куда?

– Я продала тебя. Тебя и твою сестру, кажется, её зовут Рената. В нескольких часах пути от нас появился новый сосед, от него приезжал управитель, ему нужны были слуги. Работа там только в доме, хозяйства держать не собираются. Собери, что надо, завтра утром за вами будет телега.

Лиза молчала, не двигалась от охватившего её ужаса. Продала. Да, такое было возможно, и Лаймен Стронберг была в своём праве, сделав это. Но как же мама и сёстры выживут без неё?

– Госпожа Лаймен...

Та сделала нетерпеливый жест.

– Не благодари меня! Я защищаю будущее сына.

– А как... я осенью должна была выйти замуж... Андрес тоже поедет туда?

– Нет, – произнесла, словно отрезала, госпожа Стронберг. – Он останется здесь. Не хочу даже думать, что случится с Марисом, если он обнаружит, что вы оба исчезли одновременно.

– Но я же люблю его – Андреса...

– Разлюбишь. Если тебя это утешит, обещаю найти ему подходящую жену с хорошим приданым.

– Жену?! – Лиз стиснула кулаки и задрожала от ярости.

Лаймен испуганно отшатнулась, схватилась за шнур звонка. Вбежал слуга, крепкий и сильный. Лаймен указала ему на Элизу:

– Отведи девчонку в её дом, пусть собирает вещи. И проследи, чтобы не сбежала, не спряталась. Завтра ей уезжать.

Когда слуга увёл, практически волоча, ошеломлённую Элизу, Аде повернулась к хозяйке дома.

– Суровы вы, маменька. Но справедливы, да и ловко устранили эту тварь. Надо было с ней и сестричку отправить – ту, что считает своим моего Раймонда.

– Не могу же я всю семью переселить, – буркнула Лаймен. – Я ведь с Эмилом этого не обсуждала. А как недоволен окажется? Пожалуется ему Марис, что мать у него игрушку отняла, и муж меня не поймёт. Но я ни за что не признаюсь, куда дела девку! Пусть даже попытают меня.

– А когда Марис вернётся?

Лаймен печально посмотрела на неё.

– Не знаю. Он сказал, что будет путешествовать, пока не забудет её. Не вышло у меня задержать его здесь навсегда, Адела. Что же, Господь милостив, может быть, женится Марис в своих странствиях да успокоится, и вернётся в родной дом, – голос дрожал, и Лаймен сама в свои слова не верила.

Часть 2. Чары Востока

Глава 13

Поддёрнув эту не слишком удобную для работы одежду, Элиза поднялась на цыпочки, потянувшись за паутиной в самом углу высокого окна. Она чувствовала – ещё немного, и струна, в которую превратилось её тело, лопнет; какой безумец мог выстроить в доме такие окна – до самого потолка? А ведь Рейхан наказала, чтобы всё здесь блестело чистотой... интересно, сама-то холёная в неге Рейхан бен Сина когда-нибудь брала в руки тряпку? Элиза сразу же устыдилась своих мыслей. Рейхан – единственная, кто была добра в новом доме к ним, она позаботилась о жилье и еде для них, узнавала несколько раз, удобно ли они устроились. Наверное, это её воспитание заставляло её брать на себя так много в распоряжении новыми слугами. Она вынудила их переодеться в эти наряды варваров – кусок ткани, обмотанный вокруг тела, существенно затруднял движения... все они казались в этой непривычной одежде просто коровами по сравнению с плавными движениями Рейхан и походкой, напоминающей накатывающиеся на берег волны озера Эльмарен. Женщины пытались протестовать, не представляя себе, как можно убрать большой захламленный дом в «этом», но Рейхан была непреклонна: господин привык видеть вокруг себя даже прислугу в приятных глазу женских одеждах. Элиза и сама убедилась в этом два дня назад, когда из экипажа нового хозяина дома выпархивали одна за другой миниатюрные, прелестные, как птички с ярким оперением, женщины в облаках переливающегося шёлка. Она не разглядела, правда, их лица, скрываемые в плотных коконах чёрных накидок, но всё равно они были похожи на ангелов из детских снов. Переговариваясь между собой и нежно смеясь – будто колокольчики позванивали в отдалении, женщины господина рассыпались по двору и исчезли во внутренних помещениях дома под наблюдением мрачного араба в чёрном. Сначала Лиз думала, что это и есть их новый хозяин, но промелькнувшая рядом Рейхан объяснила ей в большой спешке, что этот человек прислуживает женщинам; а настоящий господин с сыном прибудут чуть позже, не желая устраивать события из своего приезда. По румянцу на щеках красивой арабки Лиз поняла, что та равнодушна к одному из ожидаемых мужчин. Желая – из чистого женского любопытства – увериться в этом, Лиз до позднего вечера не ложилась, ожидая приезда хозяев, но так ничего и не произошло. А утром из разговоров она поняла, что господин действительно приехал ближе к рассвету и встречаться с прислугой хозяева не собираются до тех пор, пока выполняются все их пожелания в точности. И вот, понукаемые Рейхан, шведские женщины неумоимо драят огромный дом-дворец до блеска.

Услышав лёгкие шаги позади, Элиза вздохнула с облегчением:

– Эдере, ну где ты была? Я уже начала волноваться...

Молчание вместо сыплющего оправданиями голоса другой бывшей холопки Стронбергов заставило её обернуться. Незнакомый молодой мужчина небольшого, как ей показалось с высоты подоконника, роста заинтересованно разглядывал её стройные ноги, абсолютно открытые любому взгляду – перед началом работы Лиз машинально, как она это делала дома со слишком длинными юбками, обвязала путающийся подол вокруг бёдер. Охнув от ужаса, Лиз вцепилась дрожащими пальчиками в узел, пытаясь поскорее его распутать и придать одежде должное положение; но не успела она и вздохнуть, как пальцы мужчины, очень красивые, длинные, хорошо ухоженные, легли на её руки, останавливая их. Ещё некоторое время он смотрел на неё очень чёрными, почти без белка, глазами, потом рассмеялся и произнёс несколько гортанных отрывистых слов, словно невзначай поглаживая девушку по бедру. Увидев, что она не понимает, он напрягся, с усилием выговорил:

– Йа... тар... дэ... хэр, – и вновь обезоруживающе рассмеялся, показывая, что на большее он пока не способен.

Лиз почувствовала мгновенное облегчение. Подтекст его слов, которые можно было услышать в любой лавке, поначалу смутил её, но сейчас она предпочла решить, что это просто была первая фраза, заученная арабом в Швеции без особого вникания в смысл. Она уже догадалась, что это должен быть один из хозяев дома, но, поскольку она слышала, что Хусейн Лалие стар, её собеседником мог оказаться только его сын Омар. Лиз улыбнулась ему, мучительно стараясь припомнить, что велела им делать при встрече с хозяевами Рейхан.

– Вроде бы мне полагается встать на колени, – с сомнением пробормотала она по-шведски. – Но будь я проклята, если соглашусь навернуться с окна, приветствуя своего господина!..

Ей показалось, что в тёмных глазах араба, до боли напоминающих ей кого-то, промелькнула смешинка. Мужчина раскинул руки, явно готовясь принять её в прыжке:

– Фор йа?

Лиз посмотрела на него с сомнением: а он не так уж и прост, как ей показалось с первого взгляда.

– Nej, – она замотала головой, присела на корточки, опустила вниз одну ногу. Мужчина не обратил на её отказ никакого внимания, блеснул в очередной улыбке белейшими зубами. Тело Элизы скользнуло вдоль его собственного; Лалие прижал на мгновение девушку к себе, и обнажёнными ногами Лиз почувствовала мягкость его одежды.

– Феризат, ты закончила? – голос Рейхан в коридоре прозвучал строго; но стоило ей попасть под пристальный холодный взгляд господина, как дочь Маржан склонилась в низком поклоне.

– Sabahu Alkhair, – приветствовала она Лалие. И тут же обратила внимание на голые ноги служанки. – Феризат, что случилось с твоей одеждой? – тон её был холодно осуждающим, но позволял объяснить ситуацию самой Лиз: Рейхан не было выгоды ссориться с единственной переводчицей её распоряжений с французского на местное наречие для всех остальных шведских слуг.

Лиз, внезапно почувствовав озноб, повела плечами, виновато понурилась:

– Госпожа Рейхан, вы знаете, мы привыкли совсем по-другому одеваться. Мне неудобно.

– Очень плохо, – констатировала дочь Маржан. – Ты понесёшь наказание. Но не за то, что посмела неуважительно обращаться с одеждой. Руками рабыни ты касаешься нашего господина и не чувствуешь за собой вины. Это непозволительно. Вопрос о наказании будет решён позже; а сейчас ты можешь лишь преклонить колени и удалиться к себе.

Молодой Лалие уже некоторое время изумлённо вглядывался в Элизу.

– Parlez-vous... qui, qui, – перебил он себя, не закончив предыдущую фразу. Он осмотрел девушку с головы до ног тяжёлым повелительным взглядом, потрогал её волосы белого цвета, нежные и мягкие, как размолотая мука, провёл пальцами по щеке и обернулся к Рейхан.

– Подготовь её, – он произнёс потом ещё целый монолог по-арабски, но эта первая французская фраза разожгла любопытство Лиз. Подготовить её – к чему? Не собирается же этот красивый молодой господин принести её в жертву богу солнца или огня? Полушутливые размышления Лиз приняли несколько иное направление, стоило ей заметить бледность, наползающую на щёки Рейхан по мере произнесения Омаром Лалие его долгой речи.

Закончив с инструкциями, мужчины отрывисто кивнул и удалился по коридору, не обратив на Элизу никакого внимания. Рейхан взяла её за руку.

– Пойдём, – мрачно проворчала она. – Нам в женское крыло.

Элиза заволновалась:

– Госпожа Рейхан, господин очень сердится, да? Я буду сильно наказана?

Женщина кинула на неё недоверчивый взгляд:

– Не говори глупостей. Наоборот, такая удача выпадает девушке только раз в жизни.

Едва ли подобные слова были способны утихомирить Элизу Линтрем. Она остановилась, как упрямый конь, посреди дороги, вынудив Рейхан оглянуться назад с удивлением.

– Ну, что ещё произошло, Феризат?

– Что вы имеете в виду под «удачей», госпожа Рейхан?

Дочь домоправительницы устало вздохнула:

– Ты или чересчур умна, Феризат, или совсем глупая. Но зачем тогда ты вела себя с господином так вызывающе? Ты знаешь мужчин. Господин возжелал тебя и освободил от всякой работы.

Элиза недоверчиво усмехнулась:

– Что значит «освободил»? Он купил меня, чтобы я прислуживала в доме. Что же я буду делать теперь?

Рейхан смотрела на неё, как на слабоумную, с жалостью:

– Прислуживать господину, разумеется. Он забирает тебя в свои покои. Ты будешь улаживать его музыкой, танцами и беседой, угождать всем желаниям, согревать, когда он пожелает, в постели...

Пронзительный вопль протеста заставил её испуганно замолчать. Глаза Лиз Линтрем сверкали молнией:

– Ещё чего! Этот человек рехнулся? Отчего это он вдруг решил, что я буду рада оказаться в его постели? Спасибо за предложение, но я уж как-нибудь проживу и без таких «милостей»!

Лиз развернулась, намереваясь вернуться к своему окну; но пальцы Рейхан больно вцепились в нежную руку, голос звучал вкрадливо:

– Позволь открыть тебе, Феризат, одну маленькую тайну: никто не спрашивал твоего мнения. У нас, если мужчина хочет, женщина подчиняется с радостью.

Девушка дёрнулась:

– Это не относится ко мне. Я воспитана по-другому.

– Очень, очень нехорошо воспитана. Твоя жизнь принадлежит нашему господину, а ты не хочешь доставить ему маленького удовольствия. Но я-то служу господину Омару преданно; пусть даже это поручение не вызывает во мне особого восторга, я выполню его. Пойдём. Иначе я позову мужчин, и они будут держать тебя, пока женщины господина Хусейна станут готовить тебя к новой роли. Пойдём же со мной, Феризат, – добавила Рейхан куда мягче. – Каждая женщина должна быть красивой. Наложницы господина помогут тебе осознать твою красоту... и твоё предназначение в этом мире.

Омар Лалие лениво пошевелился среди подушек, несколько раз напряг и расслабил уставшие мышцы бёдер, полузакрыв глаза. Медный мундштук кальяна дымился между его пальцев, смесь экзотических трав с добавлением небольшой доли опиума рождала фантастические видения и мечты. О беленькой девушке... Наверное, он поторопился ознакомить её с традициями восточного мира, вполне возможно, что она не готова к этому. Но даже у него, воспитанного философом, есть свои пределы терпения. Он хотел видеть её в своей постели, покорную и податливую, слышать слова любви, срывающиеся с её губ, и видеть в томных глазах желание, которое лишь он мог удовлетворить в ней. Восхитительные грёзы наполнили пелену, окутавшую его мозг; лицо женщины таяло в золотистой дымке и возникало вновь, она протягивала к нему руки, бесстыдно предлагая себя, складывала губы для поцелуя... и уходила, не поцеловав.

Гневный крик у дверей его комнаты грубо вернул Омара вниз из заоблачных далей; он нахмурился, собираясь устроить разнос слугам, всегда таким незаметным и вышколенным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.